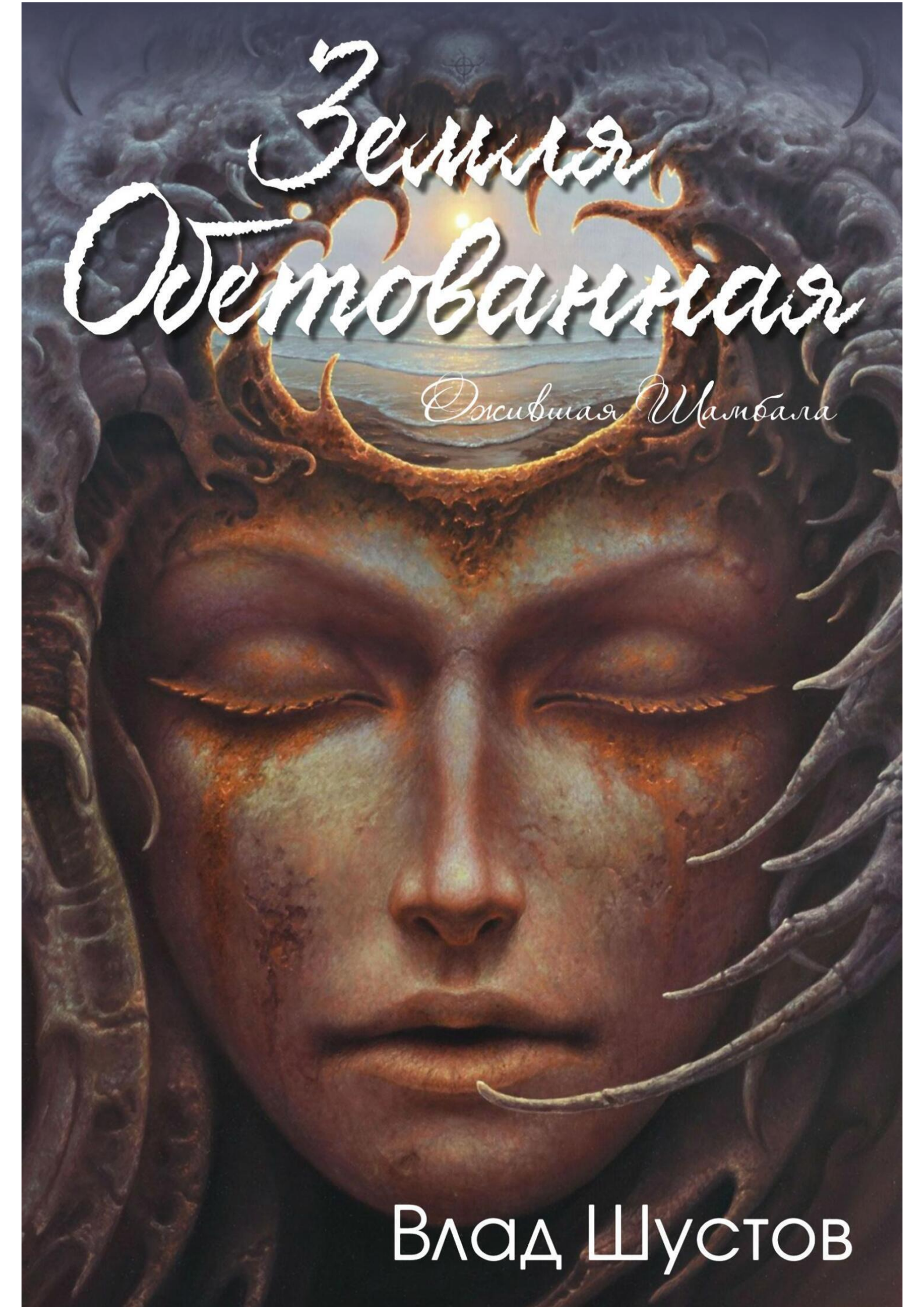

Земля Одетованная

Ожившая Мамбала

Влад Шустов

Влад Шустов

Земля обетованная

«Автор-Онлайн»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)64-445.1

Шустов В.

Земля обетованная / В. Шустов — «Автор-Онлайн», 2023

ISBN 978-5-6049465-5-8

Приемный сын умирающего фараона Эхнатона получает таинственную книгу жизни. Из нее он узнает тайны мироздания и оказывается осведомлен о собственном предназначении... Так начинается книга «Земля обетованная», описывающая драму космического масштаба. В изложении ее автора Влада Шустова прошлое и настоящее — части единого потока времени, в котором сочетаются гибель Атлантиды, погружение Земли в хтонический мрак, спасение Адама, сбережение мудрости, небесный свет Шамбалы, божий промысел и приход Майтреи. Величайшая трагедия Вселенной разыгрывается здесь и сейчас, и ее арена — Земля.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)64-445.1

ISBN 978-5-6049465-5-8

© Шустов В., 2023
© Автор-Онлайн, 2023

Содержание

От автора	7
Пролог	8
Книга первая	19
Глава первая	19
Глава вторая	23
Глава третья	26
Глава четвертая	29
Глава пятая	32
Глава шестая	35
Книга вторая	39
Глава первая	39
Глава вторая	43
Глава третья	46
Глава четвертая	50
Глава пятая	53
Глава шестая	55
Глава седьмая	58
Глава восьмая	62
Глава девятая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Влад Шустов

Земля обетованная

Авторы иллюстраций:

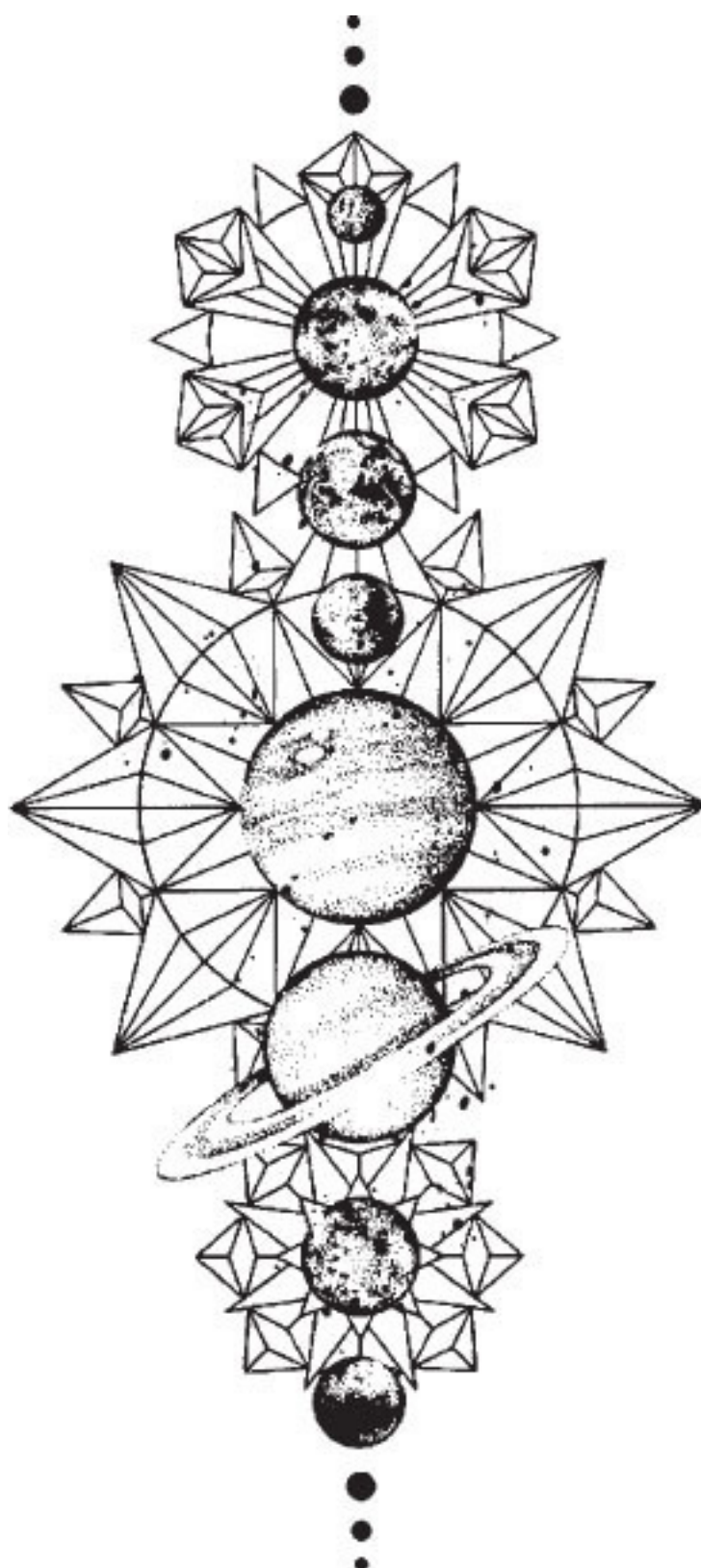
Michael Divine

Tomasz Alen Koper

Uni Kaya

© В. Шустов, 2023

* * *

От автора

Рождение этой книги стало значимым событием моей жизни. Удивительным и волшебным. Книга практически написалась сама собой всего за несколько месяцев, без особого труда и как будто без больших усилий. Слова лились как под диктовку, всё управлялось таинственными силами, которые владели моей рукой и моими мыслями, образы в голове рождались спонтанно, персонажи вырисовывались один за другим. Дивное ощущение внутреннего вдохновения, которое пришло ко мне сметающей всё на свете волной... я чувствовал, что очутился в каком-то ошеломляющем потоке, подхватившим меня. Раньше я и подумать об этом не мог, не знал, что напишу книгу на такую тему.

Теперь я понимаю, что книга написана в самый важный период моей жизни, момент перелома, когда буквально всё сложилось, всё сошлось в единой точке. Я понимаю, что эта книга – причина и часть моего существования. Мне тяжело это объяснить, но в один момент пришло осознание всего, что я чувствовал, пережил, видел вокруг себя; всего, с чем я был несогласен и во что искренне верил. Только сейчас я понимаю, для чего мне нужно было пройти через горнило тех или иных событий. И только теперь без единого сомнения я осознаю, насколько грандиозно Провидение, которое подводило меня ко всему, что случилось в моей жизни.

Я благодарен Господу, что он вёл меня, сопровождая в долгой непростой дороге, руководил мной, был моим пером, был со мной всегда, даже в тех моментах, когда вера, казалось, угасала. Сегодня я это осознаю это и чувствую как никогда.

Книга была написана от сердца, для тех, кто понимает, насколько неправильно и несправедливо устроен мир, в какой великой иллюзии пребывают люди. Книга написана для тех, кто ещё чувствует вещи, такими, какими они должны быть; чувствует ту связь, которую невозможно описать и которая руководит нашими сердцами.

Никто не знает своих истинных побуждений. Но я знаю точно, что меня побудило написать эту книгу, и какие это были побуждения. Могу ли я быть уверенным в том, что пишу? На сегодняшний день я могу сказать: да, я несу полную ответственность за все написанные мной слова.

О, если бы мы знали, сколько ошеломляющих вещей скрыто от нас! Мы не в силах их увидеть, они скрыты по определённым причинам, но мы их чувствуем, интуитивно они просачиваются сквозь толщу нашего замутнённого сознания. Где-то глубоко в душе мы их нащупываем и понимаем их ценность, их правильность.

Мне очень бы хотелось, чтобы люди поняли, насколько сложна и безгранична Природа человека, насколько сильна наша связь с ней, насколько мы с ней едины. И я понимаю, что эта книга – начало чего-то нового, того, ради чего стоит жить. Я всегда верил в то, что один человек – в поле воин и может изменить всё, если его ведут сердце и судьба. Такой человек не повинует ни правде, ни лжи. Он чувствует всю окружающую его несправедливость. Я верю в то, что можно восстать, поверив в себя, и в такие моменты сама смерть не страшна, ведь в руках праведника силы Вселенной. Не спешите меня судить. Бог – мой судья.

Пролог

Тайна фараона

В Мемфисе не было прохладнее, чем в Ахетатоне, хотя древний город и располагался севернее новой столицы Египта, построенной Эхнатонем во славу единого и великого Бога Атона. Но семнадцать лет правления фараона подходили к концу, и он, простившись с залами белокаменного дворца и широкими улицами молодого города, решил перебраться поближе к великим пирамидам. Гиза встретила правителя, распростершись перед его колесницей, и теперь он видел пирамиды из окон своих покоев.

Жаркое солнце не давало дышать умирающему фараону, его грудь разрывалась от изнурительного кашля, легким не хватало воздуха. Эхнатон понимал, что смертельно болен, перепуганные лица лекарей лучше всяких слов подсказывали, что надежды на исцеление нет, но в душе он был спокоен и непоколебим. Ощущая близкую смерть, фараон пребывал в радости и готов был отойти в мир иной без страха и сомнения. Эхнатон верил в вечное загробное существование, он готовился к нему всю жизнь, налаживая мосты перехода из одного бытия в другое. Он готовился предстать перед великими богами, или, скорее, перед великим и единым Богом Атоном, возвеличиванию и утверждению которого посвятил свое царствование. Наступал момент истины, когда суть всей его жизни сводилась к одному. Приближался миг, ради которого небо и дало ему это мимолетное существование. Жизненная миссия фараона почти исполнилась, оставалось сделать последний штрих, и это был, на его взгляд, самый важный момент – настал день завещания.

Отсчет его жизни шел уже на минуты, возможно, на мгновения, которые истекали стремительно и неумолимо. Он чувствовал это всем своим сердцем, тем священным сердцем, которое было готово к возложению на великие весы Осириса. Тем все еще живым сердцем, которое и после его смерти, перехода из одного мира в другой единственное останется с ним навеки. Сердцем, которое будет храниться в священном сосуде в его усыпальнице, ведь только оно может перекинуть вечный мост в мир богов – с одного берега бытия на другой.

Истерзанный тяжелой болезнью, задыхаясь от мучительных приступов кашля, не в силах подняться с царского ложа, Эхнатон все последние месяцы старался вести обычную жизнь – принимал с докладами важных чиновников, высших жрецов и военачальников. Но в этот день у него в палатах находилась только его жена Нефертити с детьми. Каждый день правителя Египта мог стать последним в его жизни, поэтому вся семья ежедневно приходила к великому фараону – скрасить его последние часы радостью общения с близкими, чтобы быть вместе с ним в скорбные минуты, чтобы проводить его в иной мир. Члены семьи старались обрадовать Эхнатона, дарили внимание и любовь; вспоминали и рассказывали фараону, который был для них прежде всего главой семейства, разные смешные истории из жизни; не уставая, восхищались построенным им городом и величием возведенных в нем храмов, тем самым убаюкивая слух и забавляя умирающего правителя. Во всем этом не было и тени лукавства или притворства – и для него, и для них это были истинные моменты счастья, которые не только наполняли сердца и память особой благодарностью фараону, но и окутывали его самого ореолом любви и благодати, которая должна была распахнуть перед ним великие врата перехода.

Фараон Эхнатон понимал, почему его близкие это делают, и радовался их искренности. Ему было приятно видеть лица родных, слышать их голоса, погружаться в воспоминания, он смотрел на свою жену, на детей и размышлял о прожитом. О том, что ему удалось сделать, и о том, чего он сделать не успел. Он был рад тому, что оставляет после себя таких прекрасных чад. Фараон очень любил всех своих детей и был уверен, что их чувства взаимны. Однако вместе со всей этой радостью в его измученном сердце не угасало и беспокойство. Эхнатон понимал, что, уходя, он не оставляет после себя сильного и достойного престола фараона правителя. Великому царству нужен был великий монарх, а Эхнатон среди своих детей числил прежде всего дочерей. Да, у него был и сын, но Тутанхатону исполнилось только семь лет. Мальчик был еще слишком молод и неразумен для такой ноши. На несколько лет страна могла остаться без твердого правителя, и жрецы, которых Эхнатон немало умалил, возвеличивая новый культ сияющего Атона, не годились для того, чтобы помочь мальчику, опекать и оберегать его, поддерживать и защищать от ошибок и злого умысла врагов. Все это могло не просто разрушить династию, пошатнуть основы власти фараона, а ввергнуть в пучину бедствий весь Египет.

Жара не ослабевала. Для того чтобы остаться наедине с близкими, Эхнатон отправил прочь слуг с опахалами, тем более что горячий воздух, овеивая его, лишь усиливал тяжелый кашель. Куда больше помогала смоченная в холодной воде ткань. Сегодня Эхнатон должен был выглядеть лучше, чем обычно. Это был долгожданный день прощальных наставлений и последних подарков. Эхнатон по очереди подзывал к себе детей и вручал им приготовленные дары. Воистину, это были дары фараона, дары правителя, который не умалил свое царство за время правления, а лишь возвеличил его. Такого количества драгоценностей в одном месте, пожалуй, не видел еще никто и никогда. Дочери Эхнатона, которые любили своего отца и едва сдерживали слезы, стараясь выглядеть счастливыми и радостными рядом с ним, которые жили в роскоши и богатстве, были изумлены. Они знали, их отец всю свою жизнь приумножал богатства Египта, но не могли и предполагать, что великий фараон обладает такими сокровищами. Горы золота, рубины и алмазы размером с куриное яйцо, ювелирные изделия удивительной работы, привезенные со всего света, платья, сшитые из тончайших тканей, которые были дороже любых драгоценностей, – все это заставляло замирать в восхищении, забывая о том, что это прощальные подарки со смертного одра. В конце концов, они были молоды и должны были радоваться таким подношениям. Они были счастливы. Их слуги послушно принимали эти дары и переносили из одной сокровищницы в другую, и казалось, что этому одариванию не будет конца.

Но церемония уже завершалась. Нефертити дала знак детям, и они стали подходить к отцу в последний раз. Подходить, чтобы попрощаться с ним окончательно. Прикоснуться к его иссохшей руке, поймать взгляд его слезящихся глаз. Они подходили к фараону один за другим, и он старался каждого одарить тем, что было важнее любых даров – частицей своего сердца и пылающей в нем любовью. Они прощались и уходили с низким поклоном. Но вот высокие чеканные, украшенные драгоценными камнями двери из сандалового дерева закрылись в очередной раз, и рядом с фараоном остались двое – усыновленный им Моисей, которому уже исполнилось пятнадцать лет, и любимая жена Эхнатона – Нефертити.

Двери закрылись, и фараону показалось, что его покои наполнились прохладой. Но это был всего лишь еще один приступ болезни. Его время подходило к концу, он знал об этом и собирался проститься с самым дорогим для него человеком. К нему подошла Нефертити. Несколько мгновений они просто смотрели в глаза друг другу. Затем Эхнатон кивнул, и она присела рядом.

Нефертити не плакала. Как подобало особам ее статуса, она стойко держалась. Этого требовали и этикет, и царское воспитание, но глубоко в душе она давно уже выплакала все слезы. И все же, до бесконечности веря в загробную жизнь, она была рада за своего мужа, понимая, что все происходящее с ним – это неотъемлемая часть его земной жизни и начало его жизни небесной. Каждый раз, приходя к умирающему фараону, она понимала, что очередное

свидание с ним может быть последним, но теперь ее сердце словно отсчитывало последние мгновения их счастливой жизни. Нефертити принадлежала к знатному, но не царскому роду. Подобно своему отцу, Эхнатон презрел древние обычаи и выбрал жену не в соответствии с династическими уложениями, а прислушиваясь к голосу собственного сердца. Он выбрал себе спутницу по любви, и она тоже любила его больше жизни. Теперь этому наступал конец. Не их любви – она не могла завершиться, что бы ни случилось с ним или с ней, а их совместной земной жизни. Они вновь находились на одном ложе – он лежал, она сидела рядом. Слов было не нужно, все было уже давно сказано, они молчали, но в этом молчании было все. В их памяти синхронно пролетали лучшие моменты жизни. В построенном ими городе было немало совместных изваяний фараона и его избранницы, но теперь это были два чистых силуэта, которые могли бы стать образцом для неповторимых статуй – статуй земных богов, изображений двух истинных фараонов. Никто из них не мог знать, что через тысячи лет Нефертити станет образцом подлинной красоты, критерием совершенства, но уже тогда в ней отражалась вся величественность женской природы и душевной красоты, сочетание глубокого ума, внешнего великолепия и грации. Когда-то, до того как тяжелая болезнь истерзала его, таким был и Эхнатон. Такими они себя воспитали сами. Пропитываясь Божественной мудростью и любовью, они были живым воплощением идеала, достойным богов.

Это было безмолвное прощание. Даже кашель на время оставил Эхнатона. Они молча смотрели друг другу в глаза. Нефертити держала фараона за руку и, казалось, чувствовала, как жизнь покидает брненное тело ее любимого. Через некоторое время она привстала и, скрестив руки на груди, поклонилась любимому. Она благодарила фараона, собственного мужа и отца своих детей за все – за всю свою жизнь, за его человечность, которая могла быть присуща только великим фараонам, равным великим богам. Если бы она могла уйти вместе с Эхнатон, вместе с ним отворить врата вечности и удалиться в Царство Божье, она бы это сделала без сомнений и с радостью.

– Я буду томиться в этой земной жизни без тебя, мое вечно живое солнце, – произнесла она. – Приготовь для нас нашу землю обетованную, где мы скоро увидимся вновь, моя жизнь. И пускай извечные боги встретят тебя достойно и вручат тебе великий анх вечной жизни. И пусть твоя поступь не дрогнет, а твой взгляд не померкнет. Мое сердце навечно останется в твоих ладонях, храни его и помни о нем, куда бы ни забросило тебя провидение. Пусть оно станет для тебя тем светом, что будет способен вывести из тьмы любого лабиринта, развеять любую иллюзию любого Демиурга. Храни его, чтобы извечность Божественной полноты вновь обвенчала нас и одарила безмятежной и вечной жизнью и чтобы мы могли вкушать из ее великого источника, припадать к благодатным сокам великого Древа жизни во веки веков.

– Нефертити, источник живой воды моей, – прошептал Эхнатон. – Дыхание духа моего, Древо жизни мое, давшее жизнь мне и всем нашим детям. Вечное тепло моей души, солнце извечное мое, пронизывающее всю мою жизнь своими Божественными лучами. Я буду тебя ждать в нашей обители. Буду ждать там, где наши сердца обвенчаны вечностью. Буду ждать там, где нас зародили боги из единой монады. Там, где нас создали, совмещая наше мужское и женское начало. Там, где нам дали гармонию души, ведущую к миру и покою извечной Божественной полноты.

После этих слов Эхнатон положил руку на сердце и, не вставая с ложа, склонил голову перед Нефертити, после чего произнес:

– Нефертити, дыхание мое, прошу тебя, исполни мою последнюю просьбу, принеси мне Книгу жизни – великую книгу богов.

Нефертити в знак согласия склонила голову, после чего хлопком в ладоши призвала из-за дверей слуг и приказала срочно доставить требуемое. Нефертити догадывалась, для чего Эхнатону нужна была эта древняя книга, в которой изложена суть всего сущего и рассказана

история зарождения жизни. Она также понимала, что Эхнатон хотел, чтобы она осталась при его разговоре с Моисеем. Она отошла в сторону и замерла, наблюдая за происходящим.

Эхнатон кивком поблагодарил ее и обратил взор на того, с кем еще не попрощался. Безмолвно и растерянно в ногах его лежа стоял Моисей. Он тоже должен был попрощаться с человеком, который усыновил его. С тем, кто заменил ему отца.

– Подойди ко мне, сын мой, – с ясной улыбкой, тихим и хриплым, но твердым голосом произнес фараон.

Моисей медленно подошел к отцу.

– Помоги мне встать, – попросил Эхнатон.

– Тебе нельзя вставать, отец, – произнес Моисей, оглянувшись на Нефертити, которая застыла, словно изваяние из драгоценного камня. – Ты очень слаб.

– Не заставляй меня повторять, – улыбнулся Эхнатон.

Моисей понял, что фараон встанет, чего бы это ему ни стоило, подхватил трость, которой Эхнатон пользовался последние месяцы, когда еще ходил сам, и бросился к отцу. Эхнатон стиснул зубы и стал медленно, через силу подниматься, опираясь на крепкое плечо Моисея. Нет, болезнь не отступила и не разжала свои объятия. Но немного сил фараону удалось скопить. И он сберегал их именно для этого момента.

– Моисей, – выдохнул Эхнатон, когда ему удалось утвердиться, опираясь на сына и трость, и начавшееся головокружение отступило. – У меня есть для тебя особый подарок. Этот подарок дороже всех сокровищ мира, вместе взятых. Все драгоценности, которыми обладают все владыки мира, перед тем, что я хочу тебе подарить, просто пыль.

– Я слушаю тебя, отец, – прошептал Моисей.

– Проведи меня на балкон, сын мой, – сказал Эхнатон. – Мне нужно тебе кое-что показать. Я хочу, чтобы ты запомнил наш разговор, внимая тому, на что я укажу. Я не просто так покинул построенный мной город. Не просто так выбрал это место для нашего разговора. Только ради него мы все здесь.

После этих слов Моисей обнял отца, и они медленно вышли на балкон, где их взору открылся величественный вид со вздымающимися к знойному египетскому небу великими пирамидами.

– Посмотри, сын мой, – сказал Эхнатон. – Посмотри на это чудо. Узри его и вспомни все то, что окружает нас, в том числе и то, что недоступно твоему взору с этого возвышения. Эту цивилизацию мы создали благодаря одному-единственному Богу, и ему мы себя посвятили полностью, и к нему мы направляемся. Все знания, которыми мы владеем, оставил нам он. Оставил для нас и для всех будущих поколений.

Посмотри на это небо, на эти огромные пирамиды, на застывшего стража времени – Сфинкса. Это все части огромного живого организма, под влиянием которого мы все живем, великие вселенские часы, благодаря которым наша цивилизация достигла всех этих высот.

Древние, они же первые боги земли, оставили нам свои тайные знания, которые я хочу тебе сегодня передать. Я не могу передать тебе корону фараона, им станет твой брат Тутанхатон. Но я могу наградить тебя чем-то куда большим, великим и бесценным.

– Отец! – взмолился Моисей. – Ты очень слаб! Может быть, не стоит торопиться? Давай подождем, пока ты поправишься! Или доверь это дело своим жрецам!

– Нет, сын мой! – твердо сказал Эхнатон. – Мы не можем ждать! Боюсь, что это наш последний разговор. Время пришло, и другого времени не будет. К тому же жрецам мы уже не можем доверять. Они почувствовали мою слабость и мечтают вернуться к старым порядкам. Думаю, они уже ведут свою собственную политику, двойную игру. Изменяют мне, не ведая, что, выбирая других богов, возвращаясь к былому, они предают новое, но не возвращаются к старому, а лишаются всего. Я не могу полагаться на них. То, что я задумал, я должен завершить, пока не отошел к богам. Помоги мне присесть, Моисей.

Моисей тут же обнял Эхнатона и помог ему опуститься на каменную скамью, что еще не успела раскалиться под палящим солнцем, поскольку пребывала в тени.

– Хорошо, – прошептал фараон, проведя ладонью по отшлифованному камню. – Слушай меня внимательно. Скоро я уйду в мир иной, и ты должен будешь передать этому миру традиции первых богов земли. Сделать то, чего не успел сделать я. Ты должен будешь заложить прочный фундамент новой великой культуры и религии, которая является наследием наших предков. Тутанхатону с этим не справиться. Я возлагаю эту нелегкую ношу на твои плечи, сын мой. Я не могу доверять жрецам: как бы ни были низки их поклоны и сладки их речи, они меня предали. Они хотят изменить созданное мной и вновь возвеличить своих лживых богов. Хотят утопить в блеске обрядов и церемоний Дух Божий. Они полагаются на мою неосведомленность, но я, так же как и они, знаком со всеми древними и тайными рукописями первого Бога, Атланта, и знаю, как все должно быть. Жрецы закоснели в своих уложениях и хотят переиначить историю, и у них это может получиться, если мы не помешаем. Пока по моим жилам течет священная субстанция жизни, я этим займусь немедленно, ты мне поможешь со всем остальным. Да помогут нам Атум и Птах, что вечно пребывают в Божественной полноте, в извечной субстанции жизни.

– Я весь внимание, – склонил голову Моисей. – Твоя воля – закон.

Я передам тебе священную книгу, – сказал Эхнатон. – Из нее ты узнаешь, как управлять четырьмя стихиями нашего природного естества, его ядром, нашим Божественным Нусом, пылающим огненным шаром. С помощью этих стихий можно добиваться немислимого – двигать горы силою мысли, собственной волей творить любые чудеса, выходящие за рамки всех земных сил, которые все к себе притягивают и между которыми нет промежутка, в коем ни протекало бы время и ни присутствовали бы силы жизни великой Божественной полноты. Это законы, на которых построена Вселенная. Они тебе объяснят многое. Ты научишься управлять своим внутренним временем, растягивая его и сжимая, что позволит тебе с помощью стража времени Сфинкса приобщиться к вселенской памяти. Ты научишься различать внешнее и внутреннее время и увидишь тонкую грань их сплетения. Там, где они сливаются, великие кроносы Колеса жизни соединяют дух, душу с великими природами Кольца великого свечения. Ты поймешь, что все в природе держится на этих великих столпах. Этот механизм раскроет тебе глаза на происходящее, сын мой. Все силы природы будут тебе подчинены. Ты выйдешь за их пределы, вырвешься туда, где тебя не будет ничего держать. Ты будешь повелевать четырьмя ветрами, стихиями мира. Ты станешь птицей, способной исчезать в небе, и великаном, способным передвигать горы. Это учение мы постигли ранее всех остальных вещей, и я передаю его тебе.

– Да, отец, – вновь поклонился Эхнатону Моисей.

– Ты поймешь, что ничему нет предела, – возвысил голос фараон. – Наше подобие Божие не есть просто подобие! В здравом уме и твердой памяти я тебе заявляю, что мы есть боги! Мы земные дети богов, Моисей, и еще помним о рае в их святой земле обетованной. В летописях жизни богов, оставленных нам, они описали эту землю, к которой мы все когда-нибудь придем и где обязательно встретимся с ними для вечной и безмятежной жизни. Мы боги, и в наших душах хранятся все ключи к природе вещей, нам доступно все. Но это возможно только тем, в ком есть зерно Бога, и таких, как мы, – треть земли. Остальные две трети к нам не относятся, их создал Демиург, то есть их породила тьма. Половина из них произошла от зерна хаоса, их ноги уходят в жуткие бездны небытия, в зловещий Таргар. Другая половина – это люди, произошедшие от смешанных браков, неопределенные и теперь уже заземленные. В их душах смесь сил тьмы и света, им тяжелее вдвойне.

– Почему, отец? – спросил Моисей.

– Потому что они тоже помнят рай! – ответил Эхнатон. – По той причине, что у них тоже есть в душе зерно Бога, но они отступники! Уже самим существом своего бытия они его

предали, и от этого им гораздо тяжелее! Их все еще грызет совесть, но с каждым днем жизни тьма овладевает ими, так как имеет к ним прямой доступ и обладает огромным влиянием на них, и рано или поздно они покоряются тьме. Порабощаются ею на всю оставшуюся жизнь. Эта война, Моисей, которая длится с того времени, когда на земле зародилось время, с момента краха святой земли.

Эхнатон на мгновение прервался, чтобы перевести дыхание. Ему было очень тяжело говорить, и он сосредоточил всю силу своего духа, чтобы завершить рассказ. И, выдохнув, продолжил:

– Слушай, сын мой, и не говори, что не слышал. Когда-то очень давно на земле жили атланты, первые боги в огромном городе, что был частью обширной страны, которую они называли Атлантидой. По существу, это был рай, в котором всего хватало для счастливой жизни, а чего не хватало, было в избытке. И жили эти атланты тысячи лет под сенью или под крышей великого Нун, Божественной полноты, Души Всего. Это был священный союз природы и душ Божественной монады. Более того, вся та земля, вся та природа была живой и имела душу, которая соединялась с душами Божественной монады. Их общение происходило через язык сердца, который понимало все живое – от мельчайшей травинки до огромного дерева, от крохотной твари до высших богов. И так продолжалось бы до скончания веков, если бы их цивилизацию не постигла ужасная участь. Боги открыли ящик Пандоры, впустив в мир Демиурга, которого София Ахамот извергла, словно выкидыш. Вместе с ним в мир пришли смерть, зло, тьма и поглотили землю со всей своей жуткой силой. С того момента на земле воцарился Бог Исфет, хаос, который стал разрушать все. Смешиваясь с природой, он изменил ее до основания. С того момента на земле начались дожди, на небе появилась луна, проявил себя холод, в болезни и люди стали немощны, так как их природа стала двойственной. Она обрела в лице Демиурга свое темное отражение. По земле расплозились хищные твари, которыми правил ужасный инстинкт. Они пожирали все живое и мертвое.

Спаслись только два бога, они и поведали нам обо всем этом. Рассказали обо всем, что случилось, поведали обо всех тайнах мироздания. Их дети построили на этой земле свои первые храмы, создали свои первые библиотеки. Мы до сих пор храним их рукописное наследие, мы их прямые потомки, но такими, какими были они, нам уже никогда не стать. Но у нас есть ключи к жизни вечной, и я хочу передать тебе эти ключи.

В этот момент к ним подошел слуга и с низким поклоном поднес толстую книгу, перевязанную лентой. Ее взял в руки Моисей.

– Это Книга жизни, или Книга дыхания жизни, – сказал Эхнатон. – Она собрана из тех свитков, которые нам оставил первый Бог Адам. Под этой обложкой оригинал. В хранилищах жрецов, в библиотеках я оставил копии, думаю, это правильно. Ты должен изучить эти рукописи. Со временем ты будешь их помнить, как и я, наизусть.

За свои шесть сотен лет земной жизни Бог Тот – он же Ра-Адам – сделал немало наблюдений, и все они здесь. Ра-Адам сохранял их для того, чтобы передать через века. Это его послание грядущим поколениям, которые должны разгадать великую загадку и тайну стража времени – великого Сфинкса. Это сокровищница знаний, которая создана на тот случай, если цепочка знаний оборвется между поколениями, и создать ее велело ему само провидение.

При жизни Тот-Адам обучал своих детей тайным знаниям, а те в последующие годы переписывали и сохраняли его мысли, его рассуждения, его труды и открытия. На самом деле эти знания не были тайными, скорее, они были утраченными. Это были знания о природе вещей, об их сути и духе. Дети Ра-Адама стали первыми хранителями этих знаний, которые передавались из поколения в поколение, и вскоре их стали называть хранителями стража времени. Эти первые жрецы, сыновья первых богов, и подготовили почву для восприятия сохраненных ими знаний, начав возводить огромные памятники, оставляя сакральное послание будущим

поколениям. Посмотри на эти пирамиды, разве они не прекрасны, как прекрасно все совершенное и идеальное?

Моисей посмотрел на пирамиды, отражающие белыми отшлифованными гранями солнечный свет. Сколько он себя помнил, они всегда поражали его сочетанием тайны и величия. Нечто Божественное, недоступное пониманию простого смертного всегда ощущалось в них, с того самого дня, когда Моисей увидел их впервые.

– Его потомки научили нас всему, – продолжал Эхнатон. – Все первые изобретения на земле были наследием Ра-Адама: колесо, колодцы, каналы, первые механизмы для обработки полей, для постройки домов, орудия труда и охоты, буквально все, что мы знаем на сегодняшний день.

Ра-Адам наставлял, когда, при какой луне или дне равноденствия нужно сажать или собирать урожай, когда начинались отливы и приливы, когда приближались первые заморозки и когда наступало правильное время для зачатия детей. Он учил, когда, в какие моменты зона Бог становится к нам ближе, а также указывал, когда сила жизни пребывает в самом сильном потоке. Ра-Адам объяснял, как управлять Колесом жизни, вселенским календарем, которым правят двенадцать кроносов, что объяли семь эонов, семь природ, в которые мы периодически погружаемся духом. Ра-Адам растолковывал, что в нашей модели космоса великий Сфинкс расположен на четырех сторонах света, создавая тем самым святой квадрат, заключенный в Кольцо великого свечения, что влияет на наше ощущение времени – как внутреннего, так и внешнего. Наша душа живет во многих временных потоках, зонах одновременно, и ей подвластно все. Воля сердца способна притягивать к себе звезды, останавливать время и ускорять его. Это все ты найдешь здесь, Моисей. Эти рукописи писал он собственноручно. Их писали его дети. И все эти труды для тебя.

После смерти Ра-Адама его дети собрали все его рукописи и спрятали, они увезли их в чужие земли, на которые им заблаговременно указал их отец и в которых впоследствии и образовалась наша цивилизация. По всем текстам, оставленным Ра-Адамом, именно в этом месте должен быть возведен первый храм богов – храм Времени, и через несколько сотен лет этот храм был наконец построен. Мы молимся в нем, мы преклоняем в нем колени, так как это наша живая связь с богами. Ты должен будешь изучить все эти бессмертные труды, чтобы понять, как это все работает. Чтобы раскрыть истинную картину мира. Храни их, как самое большое сокровище мира.

Последние слова Эхнатон произнес чуть слышно. В них звучала просьба, что совпадала с надеждой в его глазах. И эта надежда была обращена на его приемного сына, на которого сейчас он смотрел.

– Я обещаю сделать так, как ты хочешь, – молвил Моисей. – Положись на меня, отец. Клянусь тебе, что эти писания станут смыслом моей жизни. Спасибо тебе за такое доверие. Я его оправдаю.

С этими словами Моисей скрестил на груди руки вместе с книгой и низко поклонился отцу.

– Я тебе верю, Моисей, – прошептал Эхнатон. – Все, что ты знаешь о богах, все то, чему тебя учили до сего дня, – это всего лишь мистерии, красивые легенды в переложении наших жрецов. Пока могу, я расскажу тебе правду. Расскажу то, как оно было на самом деле. Все мы произошли от того самого первого Бога Адама, жившего на земле давным-давно. Со времени его гибели минуло много поколений. Его похоронили в семейном некрополе атлантов, в уединенной долине, рядом с погребениями его семьи. В те давние времена о нем помнили, как о великом Кроносе великой Атлантиды. Он был воистину богоподобным атлантом, которому все были обязаны не тем, что он стал прародителем рода человеческого, а тем, что, прожив долгую жизнь, умудрился оставить огромное количество знаний своим потомкам. Кроносу Адаму было ведомо очень много тайн Атлантиды, он был допущен к самым заветным знаниям

древних библиотек той Божественной страны. Адам знал, как жили боги, он понимал мироустройство во всей его сложности и полноте. Он прозревал земные недра и глубины космоса и понимал, что там происходит. После того как Атлантида канула в небытие, под его ногами как бы разверзлась бездна. Она поглотила его дух и выбросила в неживое бытие, в эон Демиурга, облачив свободную и подобную свету душу в толстые слоновые шкуры, в кожу порока. В один трагический миг Ра-Адам оказался вне земли обетованной, оказался там, где все было совершенно по-другому. Природа бытия переменялась в один миг, лишив его привычного пропитания, бросив его на произвол судьбы. Само Древо жизни погрузилось вместе с Атлантидой на дно океана. Адам оказался голым человеком на голой земле. В этом незнакомом ему мире он начал борьбу за выживание, во время которой постоянно вел наблюдения, днем и ночью следил за небосводом, приглядывался к движению звезд и других небесных тел и еще задолго до смерти успел создать первый земной календарь, который он называл Колесом жизни. Конечно же, он отличался от календаря Кольца великого свечения, который был в Атлантиде. Отличался по причине того, что содержал в себе двойственность природы. Склонность к наблюдению за временем была у Адама в крови. Кроносы отличались тем, что умудрялись выявлять временные пласты, циклы, витки эонов, по которым протекала жизнь, а точнее, сила жизни, великая и извечная Божественная полнота. Адам с легкостью мог определить смену жизненных циклов, он видел эту дуальную схему, механизм вселенских часов, по которым протекала как светлая, так и темная сила. Он видел, как работал портал ящика Пандоры, так же как и портал Божественных сил. После открытия ящика Пандоры природа разделилась на две части, но еще не была под полным влиянием Демиурга. Тогда и был заключен договор Демиурга с великими богами Татененом и Атумом, благодаря которым стало возможным создание великого и живого Колеса времени.

– Посмотри на этот удивительный храм Времени! – воскликнул Эхнатон, показывая Моисею на Сфинкса и пирамиды. – Это вселенские часы, по которым мы все определяем себя в календаре Колеса жизни. Точнее сказать, сдвоенного Колеса жизни, разделяющего все во Вселенной на две части, темную и светлую стороны. Все мы находимся под их ежесекундным влиянием, наши души и тела протекают во времени вместе с движением их сил и природ, которые пронизывают наш дух и управляют нами. Все наши эмоции, настроения, переживания, порывы напрямую зависят от этих часов. Колесо жизни дает нам свою силу и забирает ее. Мы все живем в ее океане, в огромном потоке жизненной силы, что сплетен из тысяч гигантских волокон. Этих потоков столь много и некоторые из них настолько противоположны друг другу, что разрушительны для людей по своей сути. Существуют потоки, убивающие и разрушающие все, всю жизнь; это бушующие океаны кипения, владения Бога Исфета, жуткого хаоса, который и принес смерть на нашу землю.

По расположению этих часов мы определяем дни, когда боги к нам ближе и с ними можно общаться. Их природы, зоны влияют на нас благоприятно, исцеляя душевные заболевания, пропитывая души чистой жизненной силой, совершенной гармонией, одаривая нас способностями и талантами. Великий страж времени открывает для нас свой живой портал в безграничные библиотеки богов, откуда мы и черпаем все знания. Вселенские часы существуют со дня сотворения нашего мира. Существуют с того мига, в который извечное Кольцо великого свечения обрело свою противоположную часть, свое отражение и превратилось в наше дуальное Колесо жизни. В письменах Ра-Адама ты найдешь подробное описание этого огромного живого механизма. Ты сможешь опередить множество жрецов, которые уже много сотен лет ломают себе головы над его устройством, не понимая глобальности этих вселенских часов. То, что мы знаем на сегодняшний день, позволяет нам многое. Благодаря Колесу жизни, мы опережаем наше развитие на тысячелетия. Возможно, это и спасает нас и будет спасать, если, конечно, жрецам не удастся осуществить свой коварный замысел.

Мне очень жаль, Моисей, что я раньше не посвятил тебя в содержание этих великих трудов. Я думал, у меня еще будет время, но его не оказалось. Прости меня, как отца, мне действительно жаль, сын.

С этими словами Эхнатон распустил ленту на книге, которую держал Моисей, открыл ее и взял в руки лежащий на первой странице книги анх.

– Это анх, – молвил фараон. – Это символ вечной жизни, который я хранил именно для тебя. Держи его всегда у сердца, и тогда дыхание жизни будет всегда с тобой. Этот ключ жизни нам оставил первый Бог Адам, храни этот анх, Моисей.

Запомни, Моисей, Бог един. Каждая культура будет называть его по-своему. Я зову его Атоном, ты наречешь его иначе, но все мы будем говорить об одном и том же. Для кого-то это будет Ра-Адам, Татенен, Атум, Птах, Душа Всего, Нун и даже Сет, Демидург, Исфет Ты должен чувствовать своего Бога, и, если это истинный Бог, однажды он будет явлен миру.

Ты спрашивал о храме богов, сын, так запомни – нет ни одного храма, священной храма Сердца, что внутри нас. Важней слепой веры та, что исходит из сердца и приходит к Богу напрямую – без ритуалов и священников. Бог живет у тебя в сердце, он ближе всего того, что у тебя есть. Общайся с ним, и он тебе обязательно ответит. Помни это, Моисей.

С этими словами Эхнатон закрыл священную книгу и накрыл ее ладонью Моисея.

– Я передаю тебе судьбу земли, Моисей. Передаю судьбы миллионов поколений. Распорядись ими, как должно детям богов.

Моисей с трепетом прижал к себе книгу и поклонился Эхнатону.

– Великий фараон, отец мой, данный мне богами, жизнь моя и большая часть сердца моего! Ты в должные руки передаешь эту книгу, я клянусь, что послужу провидению так, как этого хотят боги.

– Иди с миром, сын мой, – теряя последние силы, молвил Эхнатон. – Иди с Богом, иди с совестью и благородностью, которая присуща только великим мессиям. Я благословляю тебя.

С этими словами в ушах и сердце Моисей вышел из отцовских палат, а Эхнатон остался на балконе, откуда он смотрел прощальным взглядом на великого стража времени. И Нефертити пошла к нему.

Моисей был поражен. Он не ожидал услышать ничего подобного. В нем все перевернулось. Все его представления о сущем рухнули и придавили обломками. Тяжело было из-под них выбираться. Тяжело принять данное ему откровение. Но вместе с тем откуда-то взялась ясность. Теперь Моисей начинал понимать то, что исподволь не давало ему покоя. Теперь все сходилось, сомнения, что терзали его душу, испарились куда-то. Из мглы заблуждений перед ним начала проявляться картина сущего, с которой он чувствовал неразрывную связь. Это была долгожданная истина, которую он искал много лет, чувствуя ее присутствие.

Прижимая к груди Книгу дыхания жизни, Моисей быстрым шагом направился в свою опочивальню. Ощущение, что он держит в руках то, что ценнее золота всего мира, не оставляло его. Сердце Моисея трепетало от желания прикоснуться к тайнам, оставленным богами лично ему.

Он понимал, что никогда не забудет этот день. Следуя коридорами дворца фараона, он думал о произошедшем, и его мысли были подобны огням факелов в темной ночи, подобны вспышкам молний. Казалось, что каждая секунда его жизни приносила ему новое прозрение. В его сердце полыхал огонь, и ему представлялось, что он может испепелить все, если не утолит свою жажду и желание прикоснуться к Божественному. Это было почти безумием. Но в глазах Моисея не просто пылало пламя, в них сияло солнце.

Войдя в свои покои, Моисей пробежал их насквозь и выбежал в любимый сад, в котором ему нравилось читать те книги, что в ответ на его постоянные просьбы приносили жрецы. В этом саду у Моисея даже было особое место под большой ивой, где он проводил время, когда они всей семьей приезжали в любимый Мемфис. Сейчас Моисей был счастлив, казалось, что

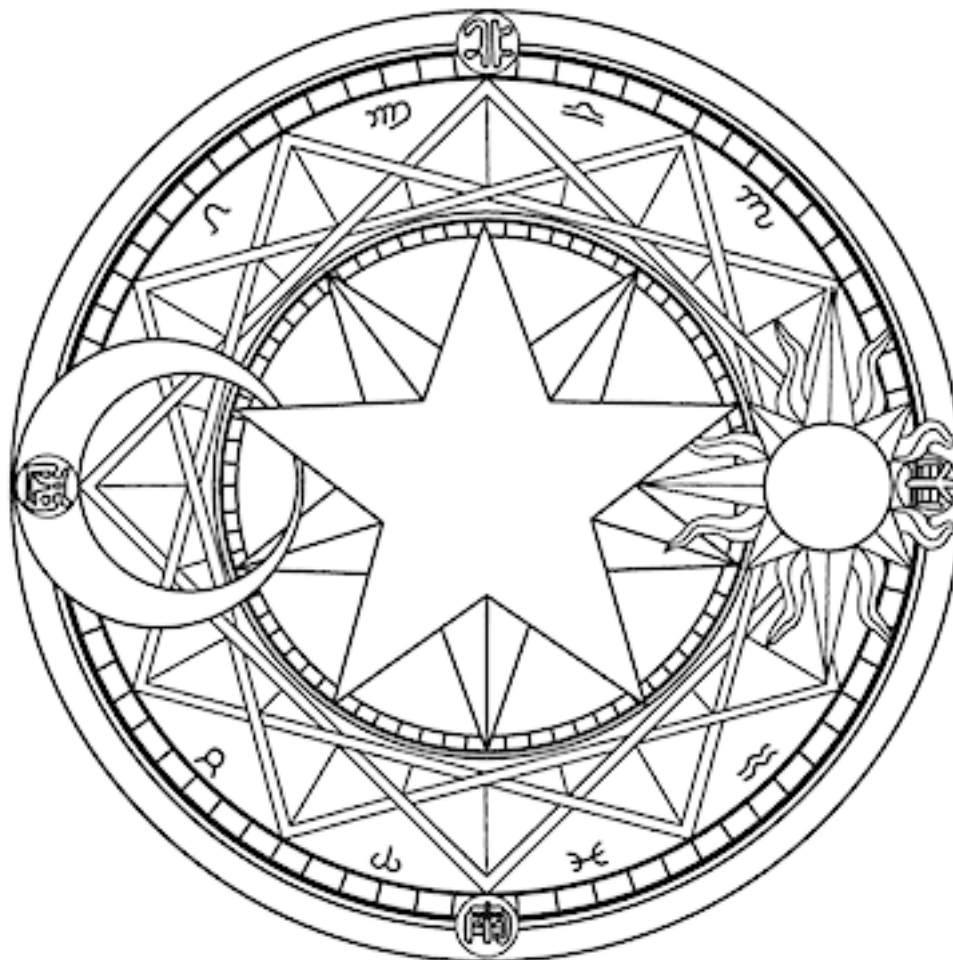
ему больше ничего в жизни не нужно. Добравшись до своего рабочего стола под развесистым деревом, Моисей уселся в удобное кресло, открыл книгу и принялся за чтение.

Перед ним был сборник разных трудов начиная с бытия Адама, истории Атлантиды, сказаний о скрижалях жизни и смерти и о ящике Пандоры, продолжая трудами о мистериях и подобию, о сотворении жизни и бытии богов, о живом страже времени Сфинксе, о вселенском календаре и великих часах Кольца великого свечения, о механизмах мироздания, о великой всемирной Душе Всего, о Софии, о мировой душе, Демиурге и заканчивая множеством трактатов, в каждом из которых первые боги решили оставить важную информацию для тех, кто придет. Воистину, Эхнатон собрал под этой обложкой самые важные тексты из тех, что могли попасть к нему в руки.

Моисей еще раз мысленно поблагодарил своего отца и принялся за чтение, дав волю всему воображению, что у него было, и прислушиваясь к голосу собственного сердца.

Книга первая

Атланты

Глава первая

Рукописи Сифа. Атлантида

Первой рукописью было повествование Сифа – сына Адама, и Моисей жадно принялся за чтение. – Мы, дети великого Адама, несущие отцовское наследие и сохраняющие его для истории, передаем вам сказания перворожденного отца нашего обо всем, что произошло, что происходит и что будет происходить.

Все это вершилось тогда, когда время бежало по незыблемым спиралям, купаясь в потоках Божественного и непоколебимого света в пределах великой Божественной полноты. В самом центре Вселенной, в могущественном зоне света пребывала дивная и девственно-чистая планета. Если бы в этой Вселенной существовал рай, то она была бы его идеальным воплощением. Это был мир, который не ведал боли и страданий, мир, в котором было невозможно

повредить чем-либо живому существу, так как тонкие тела всего живого были сотканы из особой материи, которую защищала сама природа.

На этой планете не было смены дня и ночи, поскольку свет Божественной полноты, льющийся на ее поверхность с небосвода, не иссякал никогда. Эта планета не знала ни ураганных ветров, ни разрушительных ливней, ни промозглой осени, ни стылой зимы. Ее природа была спокойна, как сам мир. Все на ней, начиная с пиков самых высоких гор и заканчивая глубинами океана, пребывало в безмятежности. Владела этой дивной планетой очень древняя цивилизация – раса атлантов. Сыновья и дочери этого народа были подобны лучшим творениям Бога, и так оно и было. Они напоминали гигантские ангельские сущности. Их плоть сияла подобно звездам, изливающим свет. Их волосы напоминали языки пламени. Их синие глаза казались более глубокими, чем небосвод над их головами, и говорили о Божественной природе, что пребывала в них. Божественная кровь, текущая по их жилам, наполняла атлантов силой, жизнью, величием и святостью. Их мудрость отражалась в их знаниях и умениях, вознеся цивилизацию до инженерного совершенства и всеобщего изобилия. Все богатства мира – золото и серебро, драгоценные камни и редкие минералы – добывались атлантами с легкостью, так как сама земля помогала им в этом. Атланты знали, как работать с камнями и минералами, как добывать из них силу и как с ее помощью общаться с потусторонним миром. Каждый минерал обладал особыми свойствами, и эти свойства по желанию атланта и благословению самой природы передавались душе атланта.

Раса атлантов была одной из тех совершенных рас, которые удерживали весы справедливости для всех и для каждого на протяжении десятков тысяч лет. В их мире все были равны, и каждая душа была ценнее всего на свете, и каждой душе уделялось особое внимание. Заботилось об атлантах не только их почти идеально устроенное государство, но и сама природа.

Главный секрет благоденствия атлантов заключался в достигнутой ими сердечной и душевной гармонии. Величие сердец атлантов, а точнее, их колебания, открывало им сакральные знания, которые становились сутью их бытия. За тысячелетия обладание этими знаниями вошло в привычку атлантов, обратилось их мудростью и стало тем, что позволило атлантам соединиться духом с самой природой, с Душой мира, которую они называли Душой Всего. Это был священный союз, катарсис духа, и священное его ничего не могло быть. Душа Всего – мать-природа щедро платила им за эту близость, так как являлась живым сердцем планеты, матерью всего живущего. Все живые существа – птицы, животные, рыбы, обитающие рядом с атлантами, ощущали себя в священном союзе с ними, так как не существовало того, от чего могла бы исходить опасность. Самого этого слова атланты не знали и не ведали, так как жили вне хищной природы. Изобилие жизни вокруг них подтверждало главное – мир без жестокости, мир без государственных институтов, мир, наполненный доверием и духовностью, любовью и сердечностью, мир, основанный на непоколебимой устойчивости души, возможен, и их планета была тому доказательством.

Кто-то может сказать, что такого не бывает. Что идеальное мироустройство невозможно. Что нет жизни без смерти, а смерти без боли, страданий или угасания. Все подобные сказания кажутся выдумкой, поскольку трудно себе представить цивилизацию, не просто не ведающую о болезнях, боли, войнах, горе, лжи, природных катаклизмах, но и не имеющую даже понятия ни о чем подобном. Однако насколько невозможным может показаться столь совершенный мир нам, настолько еще более невозможным показался бы наш мир тем, кто проживал на той планете.

Атланты не утруждали себя добыванием хлеба насущного, природа сама щедро одаривала их дивными и сочными плодами. Но все силы и энергию для жизни прежде всего восполняла духовная основа их мира, исходящая из Древа жизни, берущая начало в источнике под сенью Души Всего, извечной субстанции духа земли, как ее называли в восточных землях, и которую, любя, отождествляли с самой природой, матерью живущего. Именно благодаря ей

атланты не знали о смерти. Наделенные запредельным – длиной в тысячи лет – долголетием, они воспринимали смерть как сон. Возможно, она и была сном. Тонкие, полупрозрачные тела атлантов пребывали в полном единении с природой, и после своего ухода, засыпая дивным вечным сном, они как будто растворялись в ней, соединялись с ней духом и преображались. Их души направлялись великим провидением в достойные духа миры, зоны судьбы, и так длилось до бесконечности.

Уровень культуры атлантов был столь высок, что время практически было подчиненно их воле и не влияло на повседневность. Атланты считали себя хранителями мира и держателями неба.

В преданиях атлантов и в самом деле сберегались откровения, что на них держится мудрость мира. Атланты знали, что они созданы по образу и подобию Божьему, что боги вложили в них свое семя, изначальную Божью монаду. Так было написано в древних преданиях, оставленных богами, жившими задолго до них. Атланты знали, что боги создавали их как весы гармонии и справедливости, чтобы они максимально соответствовали наделяющей их Божественной полноте.

И так оно и было. Суждения атлантов отличались четкостью и ясностью, глубинным спокойствием души и невероятной стойкостью духа. Их сердца творили чудеса, а любовь своей силой пронзала самые удаленные уголки галактики.

Атланты не просто являлись частью живой природы мира, в котором они обитали. Они были пропитаны духом благополучия, счастья, радости, любви ко всему живому, и это состояние пребывало с ними почти вечно.

Вся планета была их райским домом, Эдемом без пределов и ограничений. В центре Атлантиды располагался громадный остров, который являлся их незыблемой колыбелью, сакральной святыней, средоточием той дивной цивилизации, которую, оберегая от напастей и любого внешнего воздействия, природа бережно укрыла невидимым, но надежным защитным куполом.

Созданное атлантами государство, или, скорее, общественное устройство, было не просто идеальным, оно было исполнено той же гармонии, что и их всеобъемлющее единение с природой. Все, что они создавали, приносило общественную пользу, и ни в чем созданном не было изъяна. Все было продумано так, чтобы никто ни в чем не испытывал нужды и даже не знал о таком понятии. Никто не испытывал недостатка в чем-либо, включая недостаток душевности, теплоты и любви. Атланты не умели врать, ложь противоречила их внутренней природе. Ими двигало иное: искренность, откровенность, доброта, заботливость, жертвенность и милосердие – то, что вечно жило в их сердцах. Безграничная чистая любовь, рождающая великую совесть, составляла их глубинную суть, которой восхищались боги.

Атланты отдавали природе часть своих любящих сердец, за что природа преподносила им свои дары, но этот обмен был совершенно бескорыстным. Он был подобен дыханию и постоянной священной связи. Каждый из атлантов знал и чувствовал, что всемирная душа является его частью и живет в нем, а он сам представляет часть этой всемирной души, Души Всего.

В центре Атлантиды находился холм, на котором возвышался храм Времени и Сердца. С высоты птичьего полета храмовый комплекс напоминал огромный круг, увенчанный двенадцатью куполами, четыре из которых были намного величественнее прочих. На их пиках стояли огромные статуи священных животных, и эти купола обозначали вписанный в круг квадрат. Для атлантов этот храмовый комплекс был священным, так как еще на стыке времен его построили древние боги, назвав его Кольцом великого свечения. Это было единственное сооружение, оставшееся от древней цивилизации, давно покинувшей землю.

Из любой точки земли можно было увидеть, как время потоком золотого сечения протекало по этому кольцу. Двенадцать сфер жизни отражались в двенадцати куполах храмового комплекса, и двенадцать апостолов-кроносов руководили ими. Только им было доверено охра-

нять этот извечный поток, этот сложнейший механизм мироздания. Казалось, что вся Вселенная пребывает в его ритме, бесконечно кружась по виткам спирали, в которую каким-то чудесным образом обращалось замкнутое кольцо. Мудрость его была бесконечна и непостижима. Согласно преданиям, это сооружение было создано теми богами, которые во тьме времен оставили его в наследие атлантам и растворились в ритме вечности, погрузившись в извечную Божественную полноту.

В центре этого храмового комплекса стояла огромная пирамида, которая по своей сути являлась ромбом, потому как имела невидимую для внешнего взора зеркальную часть, уходящую глубоко в землю. Она словно соединяла небо с землей. Сделана пирамида была из кремния, золота и кварца. В ее гранях отразилось не только величие ушедших богов, но и утраченная мудрость древних ювелирных мастеров. Блистая всеми цветами спектра, храм-пирамида словно говорил о величии древних, о бесконечности бытия и познания.

Вокруг этого храмового комплекса были устроены три глубоких и широких канала, в которых плавали корабли, киты и дельфины и которые кишели косяками диковинных рыб. Над каналами были переброшены широкие хрустальные мосты, ведущие к центру острова. Пространство между каналами было заполнено удивительными садами, в которых растения цвели и ветвились так, что казалось, будто они не подчиняются законам планеты. Кусты и деревья росли корнями вверх, а листьями и ветвями вниз. Это были сады, в которых все противоречило привычному порядку вещей, что было загадкой, оставленной древними цивилизациями.

Весь этот остров, весь этот храмовый комплекс был для атлантов величайшей святыней. Они считали его колыбелью жизни. Это и было местом зарождения жизни, местом великого преображения. Службы, которые атланты проводили в этом храме, звучащие в нем литургии поражали всякого услышавшего их действенной чудотворностью. Воистину, этот храм был сердцем природы и душой все Атлантиды.

Перед входом в храм стоял огромный Сфинкс, сделанный из неизвестного металла или камня, ни один анализ не мог определить его происхождения. Величественный Сфинкс совмещал в своем облике четырех животных, что умножало его тайну.

У него было лицо атланта, передняя часть туловища – льва, задняя – тельца, а его крылья принадлежали огромной птице. Четыре животных охраняли вход в храм Времени и Сердца. Древний Сфинкс был стражем времен и знаний. Только атланты, контролирующие законы времени и владеющие памятью Вселенной, могли быть допущены в него. Их называли кроносами. Считалось, что они управляют мысленной сферой планеты, в которой было записано все с ее первого вдоха. Эта мысленная сфера была самой сложной субстанцией живой планеты, и в ней все общалось со всем, и Память Всего в своей безграничности сохранялась самой природой.

В число обязанностей кроносов входило наблюдение за вечным течением времени и его охрана. Также они осуществляли контроль над сохранением памяти земли и поддержанием гармонии всех природных процессов планеты.

Одним из таких кроносов был молодой атлант по имени Адам.

Глава вторая

Храм времени

В свои шестьсот лет Адам считался молодым атлантом, но к этому несерьезному для атлантов возрасту он уже успел сочетаться душевным браком с красавицей Евой. Их союз был предначертан Душой Всего еще до их рождения, так как сама природа распределяла монады душ и она одна знала и видела их существо. Совпадающие души, произошедшие из единой природы, объединялись на вечную жизнь, и именно она – мать живущего – обвенчала их в храме Сердца. Гармония их союза была безупречной, две части единой Божественной монады, духовно сплетенные в одно целое, союз сердца, души и духа, были тем самым бесценным даром, которым могла одарить мать живущего, но детей у Адама и Евы еще не было, потому что время стяжать живую монаду и стать ее вечными родителями-хранителями еще не пришло.

Молодой Адам постоянно пропадал в храме Времени. Он был одним из тех, кто пытался во всем разобраться, и его любопытство не просто заслуживало похвалы – он разбирал рукописи, языки которых были утеряны и стерты из памяти атлантов за тысячи лет до его рождения. Таких древних рукописей в храме было несметное множество. Некоторые из них содержались в его хранилище уже сотни тысяч лет. Адам отлично ориентировался в этой сокровищнице знаний, он немало успел сделать, но неразобранных рукописей оставалось все еще очень и очень много. Работы было на целые жизни, на тысячелетия. Но Адама вел в его изысканиях особый интерес. С неослабевающим усердием он разыскивал на полуистлевших страницах рассказы о древних богах и той жизни и мудрости, что давно уже канула в Лету. Больше всего Адаму хотелось найти в забытых сказаниях что-то полезное для нынешней культуры атлантов, для их сегодняшнего дня. Однако некоторые из древних страниц ставили его в тупик, поскольку повествовали о том, что противоречило известной Адаму философии и привычной ему логике. Так, однажды он наткнулся на скрижали жизни и смерти. В них говорилось о потусторонней жизни, в которой обитали сущности, владеющие ключами и законами смерти. По сути, в этих манускриптах шла речь о противоположной Вселенной. Судя по изложенному древними писателями, жизнь в ней проходила по неведомым для атлантов законам. Именно тогда Адам осознал, что известная ему Вселенная в своей полноте может обладать дуальными свойствами, но представить себе ту ее часть, в которой все было наизнанку, он не мог. Жажда познания охватила его, хотя он ясно видел, что коснулся запретной сферы.

Однако искушение Адама было слишком велико, и он уже не мог остановиться. Волею случая он затронул материи, которые были сокрыты древними. Дотянулся до знаний, на которые были возложены семь печатей тайны. Дотянулся, но не мог их открыть. Все, что он понял, так это то, что ключи от этих печатей могли быть только у Сфинкса, который являлся кладзем знаний, оставленных атлантам ушедшими богами. Каждый из атлантов знал, что Сфинксу известно все. Он хранил в себе всю мудрость мироздания. Но общение со Сфинксом было возможно лишь на глубоком внутреннем уровне, в котором обитал сам Нус, и только через посвященных кроносов, одним из которых и был Адам.

Ощутив себя на пороге величайшей тайны, Адам оказался раздираем сомнениями и решил посоветоваться со своей мудрой женой Евой, которая на интуитивном уровне всегда

знала, как поступить в том или ином случае, и никогда не ошибалась. Адам решил изложить ей все напрямую:

– Ева! Жена любимая! В своих изысканиях я столкнулся с некими скрижалями жизни и смерти, оставленными древними богами. Судя по всему, речь в древних рукописях идет о совершенно иной реальности. О Вселенной, которая является отражением нашей, но живет по собственным законам и в собственном времени. Эта Вселенная – кладезь знаний и мудрости, этот эон нам практически незнаком. Их источником служит сама смерть, но эти знания дополняют жизнь и служат жизни. Вот только жизнь там иная, и она наполнена совершенно иной материей и управляется иной природой, формируя собой некий дуальный эон. Самое удивительное, что именно смерть открывает доселе невиданные никому врата к познаниям. Мне кажется, что мы столкнулись с сакральной тайной мироздания.

Ева в полном спокойствии и с рассудительностью ответила ему:

– Я рада, мой любимый, что ты прикасаешься к таким вещам и тебе открывается высшая мудрость. Да, во всем должен быть свой смысл, и, если что-то оказывается недоступным для понимания, это не значит, что искомого смысла в нем нет. Но как ты думаешь, Адам, почему богами было наложено столько печатей на эти скрижали, на эти знания? Те знания, которыми мы владеем, не изменяют нам. Как ты знаешь, Сфинкс открывает только то, что мы можем постичь. Ты думаешь, что Сфинкс может нам дать ключи и к этим секретам? А если он не сделает этого?

Адам был настроен решительно.

– Завтра я соберу Высший синод кроносов и объявлю о находке. Затем я попрошу разрешения на изучение этих скрижалей.

Ева поймала пылающий взгляд Адама и со вздохом кивнула:

– Делай так, как велит тебе твоя душа, Адам. Подчиняйся своему сердцу и чувствам, они всегда подскажут тебе правильное решение.

На следующий день Адам собрал Высший синод, чтобы изложить его членам суть сделанного им открытия. В центре храма Времени располагались двенадцать престолов, выстроенных по кругу. На каждом из престолов сидел атлант-кронос. Их взгляды были устремлены на Адама.

– Мир тебе, Адам, – сказал один из кроносов. – Что ты хочешь нам поведать? Как проходит твое время в обители знаний храма? Чувствуешь ли ты связь с духом храма, который помогает тебе открыть тайны времени? Или ты полагаешься на собственные силы?

Адам выдержал устремленные на него взгляды с достоинством и начал говорить в полном спокойствии:

– Хранители знаний и держатели неба! Мои братья по духу и жизни моей, которая проходит с вами во имя благого, общего дела. Всегда и во всем я полагаюсь на собственные силы, но это не значит, что я не ощущаю связи с духом храма. И свидетельством этой связи служит то, что я хочу представить вам сегодня. То, что я обнаружил, не обнародовалось тысячи, а может и сотни тысяч, лет. По существу, я наткнулся на наследие, оставленное нам древними богами, и уже стою на пути к его расшифровке. Речь идет о скрижалях жизни и смерти. То, что мне уже удалось понять в них, не просто вызвало мое удивление. Это поразило меня. К примеру, я сумел понять, что в скрижалях идет речь о создании мира по его отражению. О создании Вселенной, живущей по особенным законам. По законам, которые служат источником таких знаний, что сами боги черпают их из него. Более того, они стали богами именно благодаря качеству, силе и глубине этих знаний. Без них идеальная жизнь была бы невозможна. Но главное заключается в том, что отличие той Вселенной от нашей не означает отсутствия в ней гармонии. К примеру, если в нашей природе мужские и женские начала – это единая часть души, то там они разъединены. И это лишь самое начало моих исследований. Мы не можем

себе представить той жизни, в которой боги черпали свои знания и свое величие. Мы не можем знать, что привело их туда, где они сейчас есть. Мы не можем осознавать, что с ними стало. Но я могу найти ответы на эти вопросы. В скрижалях жизни и смерти говорится о некоем ящике Пандоры вселенского масштаба, и я прошу вашего разрешения продолжить их изучение. Я уверен, что мы созрели для прояснения древних тайн. Скрижали способны раскрыть суть вещей, у порога которых мы изрядно задержались.

Хоть речь Адама и была очень убедительной и яркой, после ее завершения в круге двенадцати престолов воцарилась тишина. Высший синод кроносов был явно заинтересован услышанным, поскольку тема неисчерпаемости Божественной мудрости была близка каждому из них, но одновременно с этим каждый отдавал себе отчет в том, что не все скрытое печатями можно раскрывать. Кроносы понимали, что наложение печатей на скрижали имело глубокий смысл. Не все то, о чем ведают боги, следовало знать их наследникам. Обойти Сфинкса – противоречило закону порядка жизни. С другой стороны, если найденные ключи будут одобрены Сфинксом, то закон не будет нарушен. Разве кто-то из кроносов может утверждать, что атланты недостойны великих знаний? Дух сомнения завис над священным кругом, и молчание нарушил один из мудрейших кроносов – Тот:

– То, что ты нашел, Адам, имеет огромное значение для всех нас, для нашей культуры. Но мы не боги, хотя давно ими могли уже стать, если на то была бы воля великого провидения. Все, что мы тебе можем предоставить, так это ключи ко всем закрытым библиотекам тайных знаний в залах храма Времени. У тебя будет доступ ко всем хранилищам. Мы видим, с каким рвением и с какой открытой душой ты подходишь к этой задаче. Что ж, пусть поиск ключей от скрижалей жизни и смерти станет твоей миссией. Мы тебя благословляем на этот труд. И для начала тебя должна благословить душа природы в храме Сердца. Только после этого ты можешь приступить к работе. Но запомни главное. Каждый найденный тобой ключ должен будет проверить Сфинкс, и, если он совпадет с печатью, Сфинкс сможет его открыть. Только это позволит нам не нарушить закон жизни. И вот еще что. Ты будешь не один, мы дадим тебе в помощники того, кто знает все о библиотеках тайных знаний. Он станет твоим проводником в этих хранилищах, и его задачей будет сохранение всего того, что ты разыщешь и переведешь с древнего языка.

Глава третья

Колыбель жизни

Поблагодарив высших кроносов, Адам направился в храм Сердца. В центре этого святилища росло великое Древо жизни, у основания которого лежал жертвенный камень. Атланты именовали его колыбелью жизни. Душа атланта, который ложился на этот камень, соединялась с живой природой. Ощувив себя в объятиях жертвенника, душа засыпала и растворялась в Душе Всего. Этот ритуал не был испытанием или проверкой. Душа Всего была словно мать-прародительница, которая осыпала своих чад духом своим. Она наполняла их силой, а в особых случаях могла наградить видением или даром. Погружение в центр сокровенного сердца Души Всего было решающим для жизни таинством, так как после пробуждения душа могла обрести совершенно иной жизненный путь. Ее судьба могла совершенно измениться, и это был бы путь, указанный великим провидением, достойный и истинный выбор, к которому призывала жизнь и который все принимали как Божественное предназначение и великую миссию.

Трудно представить, что природа, в которой обитаешь, имеет душу – некую живую извечную субстанцию, как называли ее боги – великую Божественную полноту. Плоть и души атлантов были неотъемлемой частью этой сущности, этого живого организма, их матери-прародительницы. Духовная связь атлантов с нею не прерывалась ни на секунду. Она объединяла все живое в единый организм, в котором буквально все сущее понимало друг друга. Общение частей этого образования происходило на уровне предчувствий и прозрений, от сердца к сердцу, подчиняясь законам гармонии. Поэтому все понимали всех, не прерывая связи всех живых существ этой дивной планеты, которым скрывать было нечего. Сама природа объединяла их в единую сеть, создавая огромную сферу Земли, укутывающую мыслящим покрывалом всю планету, которое волнами света сливалось со сферами других планет, соединяясь в священный катарсис мироздания. Это был союз миров, великих эонов, благоприятствующий общению со всей Вселенной и богами.

Именно так расширялась и упорядочивалась Вселенная, и процессу этому не было ни конца, ни края. Одна галактика объединялась с другой, их природы в универсуме обретали высшую форму общения, тончайшую материю, соприкасаясь с которой их души погружались в извечный дух жизни, сливаясь с самим импульсом жизни в великой Божественной полноте.

Древние говорили, что любое живое существо – это мембрана, воспринимающая вибрации времени и пространства. Поэтому если сердце этого живого существа находилось в гармонии с Душой Всего, то и оно было способно чувствовать буквально все.

Естественно, жизнь атлантов подчинялась законам гармонии. Их сердца были настолько прочно связаны невидимыми нитями с Божественным, что атланты сами обретали черты богов. Неслучайно храм Сердца стал средоточием их единства с Душой Всего. Высшие таинства сердца, которые в нем проводились, отражали глубину проникновения духа атлантов в природу вещей самой Души Всего. И теперь испытать то же самое предстояло и Адаму.

Он подошел к колыбели жизни, лег на жертвенник и увидел медленно подходящую к нему черную пантеру по имени Баст. Адам начал гладить огромную кошку, разговаривая с ней, пока не почувствовал, как покой окутывает его, и, уже погружаясь в забытие, услышал нежный шелест в ушах: «Засыпай, Адам».

Природа приняла его и погрузила в дивный сон. Засыпая, Адам словно рассеивался солнечным светом, растворялся в лоне матери всего. Его сердце пульсировало, совпадая биением с ритмами Души Всего и даже заглушая их, но родившаяся в бесконечной гармонии мелодия вдруг пролилась на него дивной волной, успокоила и внесла облегчение в его обеспокоенную душу. Адам уже был готов окончательно расслабиться и отдаться эфемерности сновидений, но сон, который захватил его, оказался особым. Все, что предстало перед ним, было наделено такой реальностью, что Адам понял – природа пытается донести до него нечто важное. Вот Душа Всего перенесла его в лес, в котором жила провидица Пифия. Адам сразу узнал заповедные заросли. Он был наслышан про Пифию, о ее предсказаниях ходили легенды, говорили, что она могла видеть будущее, но сам Адам не встречался с предсказательницей. И в глубине заповедного леса он тоже оказался впервые. Под пологом огромных деревьев должен был царить полумрак, но это была природа Атлантиды, где деревья и трава издавали сияние, из них, освещая все вокруг, сочился свет жизни. В глубине леса Адам разглядел два сверкающих глаза. Эта была черная пантера, которую он только что гладил. Огромная кошка подошла к нему и повела за собой. По дороге она порывивалась по-звериному, но Адам понимал ее без слов. Баст рассказывала ему о том, что всегда находится на границе двух миров, что видит духов земли и некоторые из них вещали ей о тайне Сфинкса. Адам заинтересовался повествованием, но их путь подошел к концу. Они стояли у лесного домика. Баст присела, и Адам понял, что ему нужно зайти в дом. В крохотном помещении за тяжелым столом он разглядел слепую женщину. Это была Пифия.

– Я ждала тебя, Адам, – проговорила она, не поднимая на него незрячего взора. – Но не для того, чтобы удовлетворить твое любопытство. Душа Всего неспроста привела тебя ко мне. Мать-прародительница обеспокоена. Ей было видение, что жизни, всему сущему грозит опасность. Уже тысячи лет у нее не было столь тревожных предчувствий. И эти предчувствия связаны с тобой, Адам. Будь осторожен, ты можешь стать причиной чего-то ужасного.

Адам замер. Пифия выдержала недолгую паузу и добавила:

– Мир – это тонкая волосинка, которая рвется даже без особых усилий. Заботься о мире, и он сохранит твое сердце. Мир духу твоему.

Сказав это, Пифия отвернулась.

«И это все? – подумал Адам. – А вопросы? Я ничего не успел спросить! И о какой опасности меня пыталась предупредить мать всего живого?»

Он хотел обратиться к Пифии, но сон начал против его воли рассеиваться. По мере пробуждения перед его глазами появилось черное пятно, которое постепенно начало обретать черты черного зверя. Вскоре он вновь обнаружил себя на жертвеннике. Возле него сидела пантера, напоминая вырезанное из черного камня изваяние. Адам поднялся и уже собирался уходить из храма, когда услышал ее голос:

– Так ты хочешь узнать тайну Сфинкса?

– Да, – обернулся Адам. – Очень хочу. Расскажи, мне очень интересно!

– Так слушай, – потянулась огромная кошка. – Давным-давно, когда здесь еще жили боги, Сфинкс был священным живым существом, одним из сыновей великого Нуса, которому были известны все тайны богов. Он знал их прошлое, наблюдал настоящее и прозревал будущее. И однажды Сфинкс увидел богов падшими. Они узнали об этом и обратили Сфинкса в камень, дабы скрыть это.

– Почему им нужно было скрывать собственное падение? – не понял Адам.

– Наверное, он увидел не только падение, – оскалила зубы пантера. – Возможно, он сумел прозреть черноту, что пропитывала души богов. Что, если они были предателями, которые разделили всю жизнь и все сущее пополам?

«И в чем же тут предательство?» – подумал Адам, но ничего не сказал. Он вышел из храма Сердца в тяжелых раздумьях. Снаружи его ждал атлант Зенон.

– Меня назначили твоим помощником, – сказал тот. – С чего мы начнем?

– Мне нужно отдохнуть, – ответил Адам. – А потом мы отправимся в святая святых храма Времени – в зал самых древних рукописей.

Адам понимал, что должен предстать перед Сфинксом во всеоружии. Он должен был представлять, что такое ящик Пандоры, о котором говорили боги. И он должен был узнать все о ключах, которые могли снять печати со скрижалей жизни и смерти.

Глава четвертая

Поиск ключей

На самом деле Адам не нуждался в помощниках. И то, что Зенон стал его тенью, всегда был готов оказать помощь, но ни во что не вмешивался, Адама вполне устраивало, тем более что Зенон был великой душой, кроносом с большой буквы, заслуживающим огромного уважения. Вернувшись в храм, Адам принялся изучать рукописи так, словно добрался до них впервые. Он решил собирать нужные ему сведения по крупинкам и, чтобы отыскать их, стал заново пересматривать все, что мог найти в общедоступных и тайных залах храма, обращая особое внимание на самые укромные хранилища.

Вскоре его усилия начали давать первые результаты. Информацию о скрижалях Адам находил в письменных свидетельствах разных народов, извлекая ее из самых неожиданных источников. Все народы, когда-либо пересекающиеся с древними богами, были наслышаны о скрижалях, а некоторым даже было что-то известно о ящике Пандоры. Одни летописцы считали, что ящик Пандоры – это что-то вроде живого портала, через который можно напрямую внимать мудрости богов. Другие называли его инструментом, с помощью которого можно открывать непознанное, используя его как врата в иной мир. И только немногие называли его ложным подарком, который, обладая Божественной красотой, содержит в себе проклятье. Адам погружился в раздумья.

Он собирал нужную ему информацию по крупинкам, по кусочкам, складывал, как мозаику, и через некоторое время перед ним стала проявляться полная картина истории, связанной со скрижалями. Не прошло и несколько циклов напряженной работы, как он смог расшифровать и прочитать их. Содержимое древних текстов его ошеломило. Впервые Адам смог приблизиться к истории иного бытия, которое по сути своей было Божественной хроникой.

Нельзя было себе представить более дивной и гармоничной системы жизни, чем та, что открылась его пониманию. За сотни тысяч лет существования Божественной расы связанная с ней древняя цивилизация довела собственное мироустройство до совершенства.

Многое из того, что открывалось Адаму, не было известно атлантам, а кое-что вовсе выходило за рамки их понимания. Боги жили гораздо дольше, чем атланты, и их время бежало совершенно по иным спиралям. Каждый родившийся в этом Божественном зоне дух уже ни в чем не нуждался. Он мог проживать прекрасную жизнь, паря в неограниченном потоке времени, пребывая вечно в безграничном потоке света великой Божественной полноты. Души, достигшие пика развития, всегда оставались в своем лучшем возрасте, пока природа-мать, или матрица жизни, не призывала их к перерождению. Однако это перерождение не становилось концом жизни, поскольку у каждого переродившегося всегда оставалась связь с местом своего появления на свет и со всеми теми, с кем он жил бок о бок до этого, кого любил на своей земле обетованной.

У каждого перерожденного имелась собственная миссия, все они служили благу, налаживая и поддерживая гармонию в природе и во всех бесконечных зонах Вселенной. Их перерождение было даром природе и не вызывало ни у кого из них ни малейшего сомнения. Наоборот, это было праздником, к которому каждая из душ готовилась всю жизнь. Великая литургия, во время которой каждая из них возлагала собственное сердце на жертвенник храма, оборо-

чивалась явлением дальнейшего пути и прояснением миссии перерождения, к которой они начинали готовиться незамедлительно. То, что им предстояло, не было смертью. Их бранные оболочки соединялись с природой, отдавая временную плоть для дальнейшего воскрешения. Природа растворяла их в себе и открывала перерожденным новый путь.

Память перерожденного не стиралась ни на мгновение. Она обретала новую форму существования, обращалась в тонкую нить и в тот же миг растворялась во всем, без малейшего усилия соединяя перерожденного с его близкими и его прошлыми жизнями. В жажде воспоминаний в нее всегда можно было погрузиться – окунуться в живой эон священного союза душ. При этом память дивным образом оживала, и проникновение в нее обретало черты реальности. Воистину, это был живой портал души на границе миров. В нем матери, отцы, дети и все те, кого или знал перерожденный, или с кем чувствовал какую-то связь, мгновенно обретали реальность, что способствовало непосредственному живому общению. Кроме всего прочего, перерожденный мог осязать и чувствовать все пережитое так, как будто испытывал это заново. В этом и заключалась грандиозная сила природы – чудо ее животворящей силы, создаваемая ею реальность, по сути, и была ею – живой и осязаемой сутью жизни в пределах бесконечного великого океана Божественной полноты.

Перелистывая расшифрованные страницы, погружаясь в найденное, Адам удивлялся тому, насколько мир богов был схож с их миром, и отмечал то, чем он все-таки отличался. В некоторых рукописях говорилось о том, что во многих галактиках, разбросанных по всей Вселенной, существовало множество культур и дивных цивилизаций живых существ на совершенно разных уровнях развития. Но самым удивительным было то, что у всех у них, невзирая на огромное расстояние, имелась одна – объединяющая всех – истина, в которую свято верили столь несхожие расы и народы. Всех их объединяло нечто, истоки чего уходили вглубь тысячелетий и миллионов лет. То, что зародилось задолго до их нынешнего расцвета. То, что пребывало в них изначально, и то, что соединяло их с Божественной полнотой. То, что было основой всего, первичным столпом, основой всей их жизни и жизни в целом. То, на чем строилась вся их религия и вся их реальность.

Цивилизация богов казалась Адаму столь схожей с цивилизацией атлантов, что он то и дело ловил себя на ощущении, что погружается в историю собственного народа. И среди богов, и среди атлантов жили легенды о том, что жизнь зародилась благодаря извечному источнику жизни, у которой было три ипостаси – вода, природа, любовь. Неспроста во множестве преданий существовал образ Земли, что удерживалась на спинах трех китов, трех столпов мироздания. Посредством этих величайших проводников во Вселенной осуществлялась связь с Творцом, Создателем, Богом. Посредством этих трех священных потоков жизни и происходили все великие таинства. Их силой осуществлялся духовный рост каждого существа во Вселенной. Каждого живого существа в природе. Посредством этих трех начал, трех Граалей, происходило оживление и одухотворение каждого сердца. Именно они заполняли его некой извечной духовной субстанцией, которая преображала все физическое и духовное, той священной материей, которую считали и называли всепроникающим эфирным ветром или изначальной благодатью великого океана Божественной полноты.

Дочитав до этого места, Адам подумал, что три ипостаси и могут быть первыми тремя ключами к скрижалям. Не замечая, как летит время, Адам продолжил чтение.

В некоторых рукописях упоминалось, что вибрации сердца соединялись с природой, богами посредством живой воды. Все живое во Вселенной, все планеты, которые были одарены жизнью, обязаны этим единственному веществу – воде. Все планеты, становящиеся приютом и родиной для живого, содержали в себе этот первоисточник жизни. Вода во Вселенной была самым священным веществом. Она была главным жизненным элементом. Она служила сверхпроводником жизни, и именно с помощью воды происходило общение со всем живым во Вселенной. Через нее осуществлялась мгновенная связь с высшим духовным началом. Вода

открывала любые замки, служила проводником разума, как бы ни было тяжело это понять. Многие народы считали, что именно вода могла соединить все сущее во Вселенной и даже вне ее и именно силой воды ящик Пандоры был зачарован в первую очередь.

– Вот он, первый ключ – вода! – обрадовался Адам.

Воде была подвластна вся сущая память всего универсума. Но вода без природы и любви оставалась только водой. Она преобразовывалась только тогда, когда живое сердце придавало ей некий импульс, живой импульс, который посредством природы мог все. Он творил чудеса – создавал, исцелял, наделял дарами и всеми возможными духовными качествами. К воде издревле относились как к чему-то, обладающему огромной силой. Именно воде была подвластна бесконечность со всеми тайнами бытия. Какой бы она ни была – речной, морской, соленой, горной, дождевой, она не меняла своих качеств, хотя некоторые цивилизации предпочитали использовать для обрядов только абсолютно чистую воду, полагая, что только девственно-кристальная вода дает их обрядам сумасшедшую силу и наделяет чудотворными свойствами все живое.

Ее оберегали и хранили, как новорожденного младенца, впервые взятого в руки. В одном из самых тайных обрядов достигший определенного духовного уровня посвященный ложился на землю – особое сакральное место природы, что-то вроде жертвенника души. Голова посвященного погружалась в выемку, наполненную водой, после чего он засыпал. Если испытуемый был чист сердцем и преисполнен достоинства, природа открывала ему истину и наделяла своими дарами. Это могла быть способность видеть будущее, способность к обостренному ощущению настоящего, сверхчувствительность или что-то подобное. Достойный одаривался тем, что его душе было наиболее необходимо. Зачастую во время обряда сбывались осознанные желания посвященного – природа была щедра к чистым и светлым душам.

Перевернув очередную страницу, Адам вспомнил произошедшее в храме Сердца, собственные переживания и в очередной раз поразился тому, как все же природа богов была похожа на природу атлантов.

Глава пятая

Непоправимость

Не меньше, чем чтение, Адама занимали его собственные размышления. Фиксируя ощущения от найденных им главных ключей, оценивая уделенное им на страницах рукописей место, сопоставляя и анализируя, он, в конце концов, определил их все без исключения. Не могло быть никаких сомнений. Ими являлись: вода, природа, сердце, любовь, совесть, дух мира, импульс жизни. Всюду они были отмечены особо, летописцы указывали на них, как на главные ипостаси жизни. И именно эти семь ключей в совокупности должны были составить формулу, которая могла явить истину, скрытую в скрижалях.

Могло показаться странным, что Адам определил все семь ключей для снятия печатей скрижалей до того, как закончил переводить рукописи, но его это уже не занимало. Перевод последней главы он доверил своему помощнику Зенону. Адаму не терпелось поделиться совершенным им открытием с Высшим синодом кроносов. Он был в восторге и не мог успокоиться из-за собственного достижения. Адам предвкушал огромный прорыв в культуре атлантов. Высший синод был созван в срочном порядке.

Оставалось немного времени, и Адам решил воспользоваться моментом, чтобы забежать домой, он изрядно волновался. Любимая жена Ева готовила блюдо из его любимых ягод, которые наделяли душу силой и пробуждали ментальные процессы, наполняющие перегруженный разум покоем, ощущением гармонии и чувством радости. Она видела, как сверкали глаза Адама, и разделяла его ликование. Ева попросила, чтобы Адам рассказал ей о своем открытии. И хотя тот не находил себе места, он постарался кратко изложить ей то, что собирался поведать синоду. Рассказал о семи ключах, которые уже были в его руках. Пояснил, что этими ключами оказались те жизненные элементы, которых у атлантов имелось в избытке. Все, что ему оставалось, так это испробовать найденные ключи, представ перед Сфинксом. Глаза Адама пылали.

– Если все получится, Ева, мы перейдем в новую фазу нашего развития! Божественная культура объединится с нашей, и, возможно, мы тоже станем такими же богами. Скрижали раскроют нам тайны жизни и смерти, которые до настоящего времени были нам неведомы. Это эволюция, которая свершается на наших глазах, Ева, и мы к ней готовы.

Ева ничего не сказала Адаму, хотя и была взволнована не меньше, чем он. То, что при виде ее при последнем посещении храма Сердца, не стоило рассказывать в спешке. Под сводами храма Ева почувствовала боль земли, священной природы, Души Всего. Эта боль была похожа на вопль, который пронзил все существо Евы. Крик был столь сильным, а боль столь явственной, что Ева не удержала ребенка, которого зачала от Адама. Она потеряла еще не рожденное дитя, такого не было никогда в их природе, ни о чем подобном атланты не имели и понятия, но теперь Ева это испытала на себе и боялась потерять и своего избранника. Об этом новом чувстве, о перенесенной боли, о собственных опасениях она и хотела поведать Адаму. Но он слишком спешил, и она решила отложить этот разговор. Адам уже поел ягод, собрался, но в дверях Ева его все же остановила. Кажется, на мгновение Адам насторожился, рассмотрев что-то необычное в ее глазах. Ева хотела ему что-то сказать, но не нашла нужных слов и просто пожелала удачи. Ей казалось, что Адам уходит навсегда. Она замерла в дверях и смотрела вслед, пока он не скрылся. Тяжесть на ее сердце не иссякала. Какое-то странное и гнетущее

предчувствие заполнило ее сердце. То, что она переживала, происходило с ней впервые, и она не находила объяснений собственным чувствам.

Чем ближе Адам подходил к храму Времени, тем выше вздымался перед ним величественный Сфинкс. Адам не мог отвести от него взгляда, атланту казалось, что Сфинкс зовет его, что он ощущает и видит его насквозь. Каменный взгляд притягивал Адама. Сфинкс словно что-то знал, ведал то, чему не может помешать, чувствовал неотвратимость, которая вот-вот станет всеобщей участью. Казалось, что приближается конец тайны, происходит истечение тысячелетней службы и свершение возложенной на каменное изваяние миссии теми, кто создал все.

Священный синод уже ждал Адама, и тот начал говорить едва ли не с порога:

– Братья мои по духу, хранители мира и держатели неба! Вы доверили мне работу необычайной сложности, с которой я по воле великого провидения справился. Да, я собрал все ключи скрижалей жизни и смерти! Теперь наступило время их проверить, раскрыть печати мудрости богов. Древние писания были точны в описании этих дивных ключей, и, как мне кажется, я постиг смысл мироздания, заключенный в них...

Синод внимал Адаму со всем вниманием, а тем временем Зенон заканчивал перевод последних страниц повествования Бога Мары о ящике Пандоры. Прочитав получившийся у него текст, погрузившись в его смысл, Зенон ужаснулся. Все было не так, как Адам себе это представлял. В последней главе оказалось то, чего не было во всех остальных главах рукописи. Только в последней главе говорилось о смерти духовной, о низших мирах, об ужасах преисподней, о местах, в которых жизни не могло быть. Зенону открылась полная противоположность жизни, и его охватил страх. Он выронил из рук свой пишущий инструмент, вскочил и побежал, чтобы доложить о переведенном Адаму.

Однако Адам вместе с полученными от Высшего синода кроносов скрижалями жизни и смерти уже стоял перед Сфинксом. Не ведая о содержании последней главы, Адам постепенно открыл все семь печатей скрижалей жизни и смерти, которые, в свою очередь, открыли ящик Пандоры. Увидев это, Зенон упал на колени и с ужасом стал смотреть на происходящее.

– Свершилось, – сказал Адам.

Вдруг земля вздрогнула, и огромный Сфинкс начал рушиться. Адам замер. Он не знал, что в скрижалях было и предупреждение – рассказ о сущности дуальной Вселенной и силе смерти. Не знал, что ключи открывали запечатанный портал, но закрыть его они уже не могли. Не знал, что снятие печатей разрывает святую связь атлантов с природой, с Душой Всего и, наконец, с самими богами. Это было равносильно смерти, не смерти физической, а смерти духовной. Это значило исчезнуть раз и навсегда из жизни, быть вычеркнутыми из ее книги. Это означало погружение в вечное проклятие. И это не была страшная сказка для детей на ночь, это был закон природы. Все, что не совпадало с жизнью, устремлялось по иным временным потокам. Проваливалось в порталы, безжизненные зоны, которые вырывали живые души и уводили их в небытие, погружали в пустоту и хаос – туда, где не мог существовать импульс извечной жизни, выводя жизнь за пределы Божественной полноты. Это было пространство, в котором не было времени, где царствовал полный ноль и исчезала материя и энергия. Это была черная дыра Вселенной, тьма вечная. Ящик Пандоры оказался источником разрушения, противостоять которому ничто не могло. Вселенная разделилась надвое. Познание жизни и смерти явилось познанием двух противоположностей – добра и зла.

Истина переломилась, и в этот разлом немедленно обрушились многие миры. Злобное проклятие раскинуло крылья и накрыло все. Извечные истины вмиг сменились темной ложью, искривленным отражением, в котором свет мутировал и исчезал навеки. Словно вселенский вирус набросился на благоденствующие цивилизации, ослепляя их. Природа вскричала диким криком, Душа Всего издала последний вздох, и разлом добрался до острова атлантов.

Белый небесный свет, льющийся повсюду, исчез, и над Атлантидой сгустился мрак, и этот мрак взглянул миллионами глаз с неба, с которого сорвали вечный купол, вниз. Материк атлантов погрузился в крошечную тьму, но погрузился безмолвно. Поначалу не было криков ужаса. Никто из атлантов ничего не понял. Для них это было впервые. Атланты не знали о смене времен года, не ведали ночи и тьмы, но они быстро начинали понимать, что произошло нечто ужасное. Они больше не чувствовали связи с духом земли, природа им не отвечала. Лишь боль, которую переживала Душа Всего, доносилась до них, наполняя сердца невыносимой мукой.

Тем временем земля начала содрогаться, и, когда обрушились первые дома, Адам бросился к своему дому, где он оставил Еву. В полном смятении, на бегу он пытался понять, что произошло. Он не мог определить, исходило ли происходящее от ящика Пандоры или случилось трагическое совпадение. Недра земли издавали жуткий стон, с верхушки священной пирамиды поползла лава, и над образовавшимся жерлом поднялся столб дыма. В воздухе закружились хлопья пепла. Лава покрывала мерцающей жижей грани храма Времени и Сердца. И всюду неподвижными изваяниями стояли атланты. Они верили в провидение и не сопротивлялись неизбежному. На горизонте запылали новые вулканы. Их цивилизация погибала.

Добежав до дома, Адам увидел на пороге Еву, которая словно так и стояла, проводив его. Глаза ее были наполнены слезами, она как будто не могла поверить, что все это происходит на самом деле. Ужасное предчувствие, которое она ощущала в последние часы, сбылось. Но времени на раздумья и утешенья не было. Адам схватил ее за руку:

– Бежим, Ева, бежим! Всему наступает конец. Открылся ящик Пандоры, но это не то, чего мы ожидали. Я погубил мир! Я погубил мир! Я погубил мир!

Нельзя было передать словами состояние Адама. Печаль, уныние, раскаяние, отчаяние и другие, доселе неведомые ему чувства разрывали его естество и выворачивали наизнанку душу. Адам плакал, ему не хотелось жить. Он вызволил из недр земли проклятье и узрел, что значит смерть.

Глава шестая

Исход

Оказавшись в центре катаклизма, Зенон в отчаянии побежал обратно, туда, где он расшифровывал последние страницы древних рукописей, входящих в наследие Бога Мары. В голове Зенона вертелись приписываемые Богу слова, что имен у того будут тысячи и что он найдет отражение во всех культурах и религиях, пока те существуют. Зенон понимал, что уже слишком поздно, но, прислушиваясь к гулу катастрофы, стал перечитывать страницы скрижалей, пытаясь понять, что же все-таки случилось? Как они жили и как могли допустить у себя под боком смертельное жало познания смерти, кому это было надо? Зенон не думал о спасении, все, что его теперь занимало, – это строки древних текстов. И, начав это последнее чтение, он попал на описание рая.

Шелестя пергаментами, Зенон читал про устойчивые, огражденные и защищенные миры, на которые никак не влиял дуальный разлом Вселенной. Он погружался в описание цивилизаций, что проводили обряд жертвенной любви – высшей любви во Вселенной, которая своей силой могла сдерживать внешнее влияние дуального разлома, очерчивая цивилизацию защитной линией. Никто из живущих не мог переступить эту черту и выйти за ее грань. Никто не думал об этом, а значит, и не пытался этого сделать. И если не существовало причины, то не было и следствия. Ужасное следствие было исключено уже тем, что все причины были изжиты духовной устойчивостью и сердечным воспитанием. Существовали народы, которые служили прибежищем святости и силы духа. Дети этих народов были похожи на ангелов – насколько тонки были их тела, настолько была тесна их связь с первоисточником извечного начала жизни Божественной полноты. Они потребляли живую энергию. Дышали ею. Невозможно было представить, насколько эта связь была мощной и синхронной с Божественным началом. Мы бы назвали представителей этих народов ангелами, многие культуры нарекли бы их архангелами, но по сути своей они были проводниками живой природы. Эти ангелы, пережив духовную трансформацию, еще имели физическую плоть – некую утонченную субстанцию, от которой вроде бы могли отказаться. Но они оставались в материальном мире, потому что были живыми проводниками трех ипостасей: воды, природы и любви. Через их тела жизнь и высшая благодать нисходили на цивилизацию. Все вместе они составляли живой поток извечного всепроникающего единого сердца. Причем никто из них не отличался какой-то особой святостью. Каждый обладал свободой воли. Даже простой ребенок имел свободу, которая сочеталась с его духовным развитием. Дети появлялись на свет просвещенными уже с рождения. Сама природа наделяла их такой духовной и физической силой, что их развитие происходило несоответственно их возрасту. Духовно они могли быть на несколько тысяч лет старше своих родителей, их называли детьми света.

Зенон читал эти откровения, слыша, как трещит земля вокруг его читального зала и как шуршит, расплзаясь, лава. Бежать было уже некуда. Зенон понимал, что он обречен, но все равно продолжал читать.

К процессу размножения у ангельского народа был особый подход. Ангелы полагались в этом на помощь самой природы, которая знала все. К зачатию готовились всю жизнь, не испытывая никаких сторонних сексуальных побуждений, потому что избравшие друг друга

истинно для того и были созданы. Они подходили только друг для друга, и иного не было дано, так была устроена их природа. Природа сама давала знать, что наступает лучший момент для духовного соития. Затем происходило дивное таинство, священный ритуал. Наступал пик земного счастья, пик духовного совершенствования. Именно в этот момент природа открывала свою истинную суть. Это был миг соединения со всей жизнью, истинное соприкосновение с прекрасным, с Божественным началом, с тем блаженством, в котором обитали высшие начала. В этот момент души вибрировали, как тончайшая мембрана Вселенной, в одном миге было все. От того, как пульсировали сердца, зависело, каким ребенком одаряет природа соединяющиеся души. Стяжение ребенка происходило по духу, по родственной душе природы и было величайшим таинством Вселенной.

Зенон читал строчку за строчкой и, подобно Адаму, поражался, как все, что он вычитывал, напоминает Атлантиду. Похоже, что боги пребывали на том же уровне развития. Тем временем лава уже затопила выходы из храма, и Зенон понимал, что он заперт в хранилище рукописей и не сможет передать прочитанное им кому бы то ни было. Но, даже задыхаясь от ядовитых испарений, он продолжал читать.

Природа распределяла все по естественным законам, в мудрости которых никто и никогда не сомневался. Воистину, Душа Всего была особой матрицей жизни, которая создавала всеобъемлющую систему жизненных перевоплощений и процессов, так как считалась одним целым с Божественной полнотой изначально и являлась ее дочерью. Все в ней и вокруг нее было соединено особой жизненной нитью. На этой нити держалась Вселенная, и через нее протекала вся жизнь. Так было испокон веков, пока не появился дуальный разлом.

В дуальной Вселенной всегда был риск, что что-то могло пойти не так. В самых развитых цивилизациях всегда присутствовала опасность потерять рай и опрокинуться в его противоположность. Хотя ящик Пандоры, как способ познания жизни и смерти, был крепко закрыт, это не гарантировало, что портал невозможно открыть. Ящик Пандоры образовался при выходе из великой Божественной полноты, тогда, когда появились первые зоны и время. Боги считали его извращением жизни и поэтому держали вечно под семью печатями. Будучи закрытым и запечатанным, он продолжал ждать свою жертву, пусть даже ее не было тысячи и тысячи лет, и мог остаться в этом ожидании навечно. Но провидению суждено было все изменить... Что это за провидение? Было ли оно явлено в лице Адама? О нем ли предупреждали боги? Неужели есть силы, способные предать смерти целые народы? Способные погубить многие цивилизации? В чем же тогда смысл бытия? Пытаясь найти ответы на эти вопросы, Зенон продолжал читать.

Слуги тьмы, змеи-искусители Демиурга, наделенные властью создавать зоны, ищущие в цивилизациях лазейки, делали все, чтобы обманом открыть ящик Пандоры и взрастить в этих мирах Древо смерти, создать бациллу смерти, пожирающую жизнь в местах, отпавших от великой Божественной полноты. С ними и боролись боги, и потому ящик Пандоры был прочно закрыт самими богами, навеки запечатан семью печатями.

Выход в низшие миры к противоположной жизни, к структуре хаоса, к смерти был перекрыт надежно, потому что штамп проклятия стоял на этом ящике. В нем была заперта смертельная бацилла, вселенский вирус, способный уничтожить все живое, мирное, гармоничное во Вселенной. И теперь этот штамп стоял и на Зеноне, так как он помогал Адаму и был причастен ко всему происходившему. Но он продолжал читать. Он хотел дочитать до того, как все закончится.

Во Вселенной было очень много зараженных цивилизаций, они составляли целые галактики. В одной из них пребывала и земля атлантов. Ящик Пандоры на ней был распахнут и оставался открытым миллионы лет, пока в день победы его не заперли, наложив на него семь священных печатей. Это была великая победа, после которой боги жили в мире и гармонии на протяжении сотен тысяч лет, после чего ушли, растворившись в объятиях великой Божественной полноты.

Зенон перевернул предпоследнюю прочитанную страницу и принялся за чтение последней. В его дрожащих руках трепетал очень старый пергамент, хрупкий обрывок древнего труда, что рассыпался от ветхости, но на котором еще можно было что-то прочесть:

«Мы – боги, вышедшие из первичного чрева нашей животворящей матери великой извечной и вездесущей Божественной полноты, состоящей только из жизни и вечно животворящей, так как она существовала изначально и не было у нее начала, ее никто не родил. Само-рожденная – она являлась самой жизненной силой, которую никто и никогда не сможет постичь и понять.

Мы вышли из ее священного чрева, дабы создать великий эон жизни, подобный ей по образу и подобию, по духу и силе, по совершенству и изобилию, сознавая, что ничто не может быть столь совершенным, как она.

Я – Бог Нус, создавший из материи великой Божественной полноты первый вселенский Ум и ставший первым Логосом, породившим живую мысль, которой создал все, все миры и все существующие зоны с их временем и пространством, протяженностью и скоростью. Я – Создатель всего видимого, я – Кронос-Отец, определивший жизнь этой Вселенной, а также определивший ее смерть».

На этом рукописи скрижалей жизни и смерти заканчивались.

Зенон закрыл глаза. Значит, с богами случилось то же самое? Но как они выжили? Как они сумели восстать против всего этого? Как сумели вновь запечатать скрижали жизни и смерти, на века закрыв ящик Пандоры? Как боги вернулись в свои обетованные земли? О, если бы об этом знал Адам...

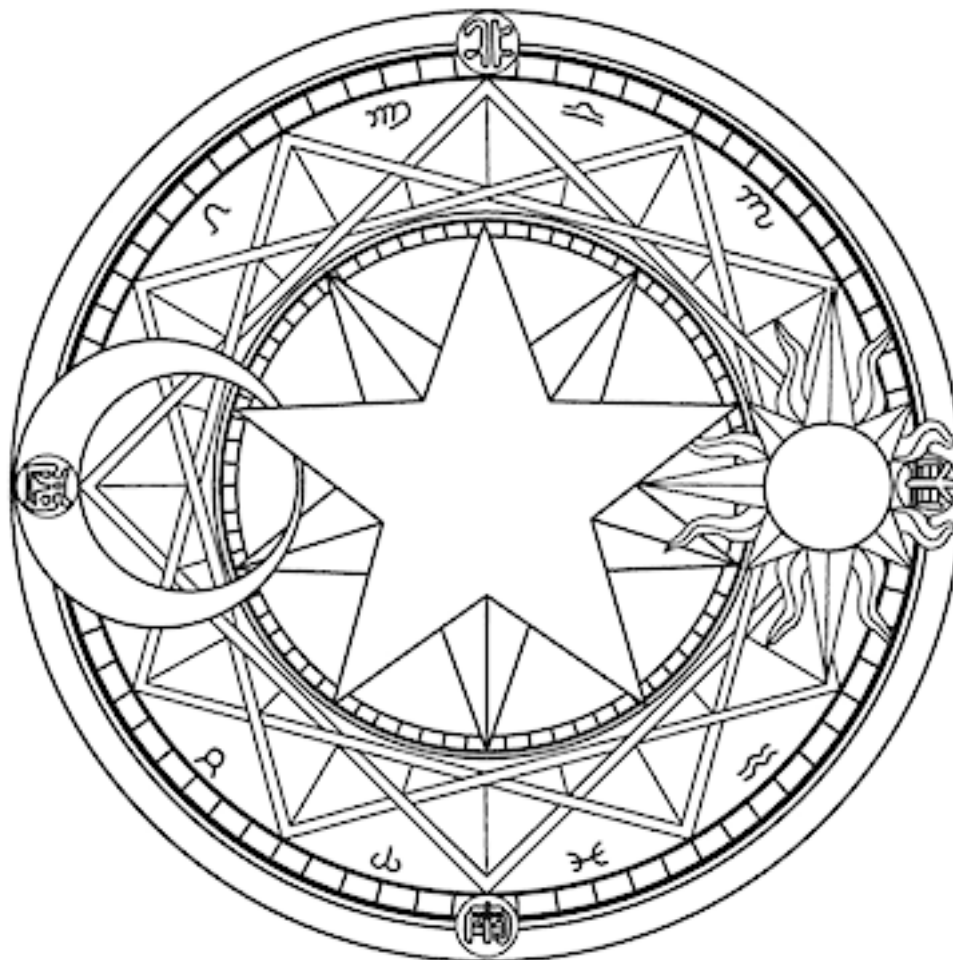
Зенон открыл глаза. Лава уже заполняла зал храма Времени и Сердца. Он наблюдал, как она поднималась все выше, пока своды не рухнули и не поглотили Зенона со всеми рукописями, что были в храме. Так храм прекратил свое существование, и с ним сгнуло все живое, что обитало там.

Тем временем Адам и Ева пытались спастись от ужасного катаклизма. Они бежали, что было сил. Они покидали родные земли, которые гибли на их глазах. Оборачиваясь, они видели, как рушится священный город, как сгорает охваченный пламенем храм Времени и Сердца. Они бежали не один цикл, надеясь выбежать к океану, но океан сам пришел за ними. Земля раскрылась и поглотила Атлантиду. Перехлестывая через горные пики, еще более гигантской горой поднялась волна, которая, словно невообразимый монстр, раскрывший пасть, вознамерилась уничтожить все, чему удалось выжить. Вот волна настигла отчаявшихся беглецов, сбила с ног и накрыла с головой. В мгновение ока Адам и Ева попали в ужасное месиво из воды и грязи. Их закрутило в мощнейшем вихре и разбросало в разные стороны. Атланты могли очень долго находиться под водой, и в конце концов они всплыли на поверхность. Но всплыли слишком далеко друг от друга. Материк ушел под воду, от Атлантиды не осталось ничего. Держась на воде, Адам стал искать Еву, окликая ее по имени. Он не мог поверить, что она утонула. Потеряв свой мир, он не мог потерять все, что любил, чем жил, что составляло его сущность. Невозможно было передать боль утраты, которая охватила Адама.

Через некоторое время он увидел сушу. Но была ли она спасением? Был ли смысл в жизни, в которой не оставалось ничего, ради чего стоило жить? Берег становился все ближе, возвышаясь над волнами огромными черными скалами, выбраться на которые было невозможно. Адам плыл вдоль отвесной стены, пока не увидел на ее уступе знакомый силуэт. Это была Ева, спасенная Ева, душа, ради которой стоило жить, и она указывала Адаму на место, где можно было выбраться на сушу. Адам без промедления поплыл в ту сторону. Вскоре он уже выбирался из воды. Собравшись с последними силами, он встал на ноги, выпрямился и медленно шагнул на неизвестную ему землю. Впервые он находился на чужбине.

Он обнял Еву, а затем они поднялись на берег. Перед ними лежали дикие и безжизненные земли, ничем не напоминающие Атлантиду.

Книга вторая

Глазами Адама

Глава первая

Скорбь Адама и Евы

Сил у Адама уже не было. Все, что он смог – протянуть руку Еве, которая спустилась к самой кромке и вошла в воду, чтобы вытащить его на берег. Нагие, мокрые и замерзшие – они опустились на колени на прибрежных камнях, обнялись и замерли. Ева смотрела на Адама так, как не смотрела еще никогда в жизни. Вместе со слезами из ее глаз изливалась вся боль Атлантиды, но больше всей этой боли была ее любовь. Ева любила Адама превыше собственной жизни и, уже не чая его увидеть, выбравшись на пустынный берег, вымаливала у богов хотя бы последнюю встречу, и чудо свершилось. Адам смотрел ей в глаза и сквозь ее слезы видел все – и ее безмерную радость из-за его спасения, и глубочайшую скорбь об утраченной Атлантиде. Слов было не нужно. Они оба видели ее исчезновение. Миллионы атлантов были поглощены

безжалостными волнами. Их дом исчез раз и навсегда. От великой расы не осталось ничего. Тысячелетия славной истории канули в Лету безвозвратно. Остались только они двое.

– Я рада, что ты жив, мой милый! – наконец смогла вымолвить Ева.

Рыдания душили ее, и она прижимала к себе Адама изо всех сил. Так, словно все еще не верила в его спасение. Так сильно, словно это могло унять ее сердечную боль. Бережно стирая слезы с ее лица, Адам ответил ей:

– О Ева, жизнь и душа моя! Не плачь. То, что произошло, уже не исправишь. Утраченного не вернешь. За все это я сам никогда не смогу себя простить. Но прошу тебя, прости меня ты. Если ты не сможешь меня простить, то мне не будет жизни, я уйду навеки. Буду замаливать перед Богом свои грехи до тех пор, пока буду жив. Я не знаю, чем все это закончится. Ты же понимаешь, что мне теперь с этим жить до самого конца. Но без тебя мне тоже не будет жизни. Мое сердце и моя жизнь у тебя в руках. Делай то, что считаешь правильным. Или отпусти меня, или прими меня таким, какой я есть, и я обещаю, что не оставлю тебя до скончания дней моих.

Не сразу Ева ответила Адаму. Горе все еще придавливало ее к земле, но она любила Адама всей душой и понимала, что ничего из совершенного им не было сделано со зла. Никто не мог предвидеть происшедшего, даже боги.

– Адам! Любовь моей жизни! Судьба моя! Неужели ты думаешь, что я смогла бы тебя оставить в столь тяжелый момент нашей судьбы? Разве не для таких испытаний мы были созданы? Разве не так боги проверяют наши души? Твои грехи – мои грехи. Твоя боль – моя боль. Твоя смерть – моя смерть. Не сомневайся во мне больше никогда. Я – жена твоя и перед природой, и перед Богом.

– Жизнь моя, – прошептал Адам, прижимая Еву к себе. – Кровь моя. Матерь моих будущих детей. Я рад, что природа выбрала мне именно тебя. Она не могла ошибиться, и она не ошиблась. Наш священный союз в храме Сердца вычертил нашу судьбу, и он будет неразрывен до скончания наших дней.

– Пойдем, мой любимый, – улыбнулась Ева. – Нужно узнать, где мы. Возможно, еще остались выжившие. Нам нужно отправляться в путь.

Адам был истинным атлантом. Собрав всю свою силу, он встал, поднял Еву с колен и, взяв ее за руку, стал взбираться на высокий берег. Местность, которая перед ними предстала, была незнакомой. Ничто здесь не напоминало Атлантиду.

– Адам! – проговорила Ева, прикрывая глаза рукой. – Ты заметил? На небе сияет огромная звезда... Я чувствую исходящее от нее тепло. Но что это за образования ползут по небу – своду, перекрывая ее лучи? От них исходит холод. И этот воздушный поток, что овекает нас? Он мешает нам идти!

– Нам придется привыкнуть ко всему этому, – ответил ей Адам. – Нашей благословенной земли больше нет, поэтому сетовать на эту землю – бесполезно.

Они медленно пошли вдоль берега, страдая оттого, что острые камни режут им босые ноги. Впервые они видели кровь, которая сочилась из их тел. Водная гладь, которая открывалась им с высокого берега, была бесконечна и пуста. Ни единого тела, ни единого пловца не удалось разглядеть им на ней. Тем временем огромное светило, которое одаривало их теплом, стало уходить за горы, и все вокруг начало погружаться в сумрак. Адам увидел впереди в отвесной скале небольшую пещерку и предложил Еве выбрать ее в качестве укрытия, в котором можно отдохнуть и набраться сил, чтобы затем продолжать поиски. Уставшая Ева согласилась. Пещерка оказалась крохотной. Вряд ли в ней могла бы разместиться еще одна пара спасенных. Они вошли внутрь, пригнув головы, присели, обнялись друг друга и продолжили смотреть, как прячется за горизонтом согревающее их светило. Близилась их первая ночь на чужой земле.

Только теперь Ева осознала, в каком отчаянном положении они оказались. Да, она чувствовала тепло, исходящее от Адама, но ей все равно было холодно. Ни о каком уюте, тепле и сухости не могло быть и речи. Она смотрела на свои грязные руки и не могла сдержать слез.

– Посмотри на меня, Адам, пока тьма не сгустилась до непроглядной! Что это на мне? Что это за кожа? Мне тяжело шевелиться, тяжело дышать. Я не чувствую ни себя, ни свое тело! Ты посмотри, как огрубели мои члены! Что с нами произошло? Я не могу услышать природу! Душа Всего покинула нас. Здесь совершенно дикий мир, я не уверена, что мы сможем его принять. Ты слышишь меня, Адам? Как Бог мог допустить это? Как он мог допустить, чтобы сделанное одним атлантом обрушило все созданное целым народом? Мы же дети богов, почему они от нас отвернулись? Их нет с нами, и теперь нам не у кого спросить совета, я не слышу животных, растений. Этот мир слишком дикий, он будет для нас суровым испытанием. А что, если он не примет нас?

Адам молчал, но все, что творилось в его душе, отражалось на его лице.

– Ты видел кровь на моих ногах? – всхлипывала Ева. – И это была не кровь от ран, что нанесли мне острые камни! Это кровь заливала меня, выходя из моего естества! Что это такое, Адам? Я не понимаю! Мне холодно, мне страшно, Адам!

– Не плачь, любимая, – разомкнул уста Адам, прижимая Еву к себе. – Мне тоже страшно. Я тоже мало что понимаю. Думаю, нас ожидает много нового, Ева. Вряд ли это новое нас обрадует, но теперь нам с этим придется жить.

– Мне больно, Адам, – продолжала причитать Ева. – Мне холодно! Мне неудобно! Мне страшно и одиноко!

Адам ничего не мог сделать. Он только гладил Еву по голове, стараясь разделить ее боль и обиду. Постепенно они заснули. Из-за усталости их сон оказался столь глубок, что они не проснулись бы даже из-за раскатов грома. Но ночь оказалась тихой. И это была первая ночь в их новой брэнной жизни. Теперь им предстояло привыкать к смене дня и ночи, к смене сезонов, к превратностям погоды и прочим невзгодам.

Ева проснулась среди ночи от холода. В поисках тепла она прижалась сильнее к Адаму и случайно открыла глаза. Увиденное ошеломило ее. На черном небе мерцали миллиарды звезд. Никогда еще она не видела столь прекрасного зрелища. Но она не стала будить Адама, чтобы поделиться с ним увиденным. Она решила рассказать ему об этом, когда он проснется. Положив голову ему на плечо, она снова уснула.

Это был их первый сон вне земли обетованной. Он оказался очень крепким. То, что они пережили, вымотало их, но матери-природы, которая могла бы восстановить их силы, с ними больше не было. Они были предоставлены самим себе в этой новой и неизвестной Вселенной. Но в них была искра Божья, и они были атлантами с большой буквы, таили в себе Божественное начало, и только это давало им надежду.

Ночь пролетела быстро. Первым утро встретил Адам. Уже в утренних сумерках он разбудил Еву, поцеловав ее в закрытые глаза:

– Ева! Просыпайся, нам нужно идти.

Открыв глаза, Ева увидела Адама и улыбнулась:

– Любимый! Нет ничего прекрасней в мире, чем твое лицо, которое я вижу, открывая глаза.

– Посмотри, Ева, – сказал Адам, целуя ее и помогая ей подняться. – То, что было вчера на небе, опустилось сегодня на воду.

Это был утренний туман, он завораживал взгляд, но через некоторое время туман рассеялся и они увидели ужасное. Вода была покрыта тем, что осталось от погибшей Атлантиды. На волнах покачивались многочисленные обломки строений, какая-то утварь, но не было видно ни одного живого атланта. Адам и Ева спустились к воде и стали доставать из нее все, что могло им пригодиться. Вскоре они заметили, что их тела не просто не светились или поблекли, они были изранены. Их кожа от лучей небесного светила покрылась волдырями, многочисленные раны и царапины кровоточили, отчего они постоянно испытывали боль. Пытаясь облегчить ее,

спасаясь от лучей палящего светила, они стали кутаться в куски ткани, которую извлекали из воды. Высохнув, ткань одаривала их теплом.

В течение дня им удалось добыть множество нужных вещей. Каждый извлеченный из воды предмет воскрешал в их памяти множество воспоминаний. В конце концов на берегу образовалась большая куча спасенного скарба. Тем временем огромное небесное светило снова начало уходить за гору, и Адам с Евой поняли, что скоро вновь стусится тьма. В этот раз они были утомлены еще больше, и к их усталости добавилось истощение. Но все, что они могли, так это провести еще одну ночь в их временном пристанище. Ева, зная, что во тьме на небе появятся звезды, решила удивить Адама необычным зрелищем, разбудив его посреди ночи. Она сделала это точно в полночь, прошептав ему на ухо:

– Адам! Проснись, любимый! Встань и посмотри на небо!

Их вторая ночь была еще яснее, чем первая. На небе были видны миллиарды звезд. Млечный путь пересекал небосвод звездной дымкой. Казалось, звезды висят прямо над головой. Кроме звезд, на небе сияла полная луна, которая не одаривала теплом, но не скупилась на красоту. Адам был потрясен увиденным. Но как бы ни была прекрасна ночь, она оставалась слишком холодной, и все, что могли придумать атланты, так это согревать друг друга в объятиях.

Адам долго не мог заснуть. Он размышлял о случившемся и вспоминал о ящике Пандоры, который оказался проклятием рода атлантов. Скрижали жизни и смерти явили атлантам мир смерти, в котором жизнь могла лишь бороться за существование. Но если им нужно пройти все это, чтобы понять богов, то они с Евой сделают это, чего бы это ни стоило.

Глава вторая

Чужая земля

Через несколько месяцев Адам и Ева перестали напоминать прежних атлантов. Постоянная забота о пропитании и тяжкий труд в попытках обустроить убогий быт изнуряли несчастных. Их измученные тела издавали неприятный запах. Ежедневное омовение стало для них ритуалом. Каждое утро и каждый вечер они входили в океанские волны, чтобы смыть с себя грязь, но запах казался неистребимым. В их жизни переменялось все. Они узнали, что такое холода, ветра, дожди. Теперь, вместо того чтобы горевать об утраченном благоденствии, они думали о том, как найти укрытие на ночь, как устроить крышу над головой, где раздобыть теплую одежду.

На второй день пребывания на чужой земле Адам и Ева взялись за сооружение своего первого жилища. У них уже хватало материала: все, что им удалось выловить из воды, шло в дело. Ева во всем полагалась на Адама. Он владел великими знаниями и пытался применить их к законам дикой природы, которая теперь окружала их. Во всяком случае, он ясно представлял, какой должна быть их хижина.

Прежде всего, они с Евой отыскивали место для строительства. Выбор пал на сухую площадку с плодородной землей, расположенную не слишком далеко и не слишком близко от опасной океанской волны и линии прилива. Нелегкая работа по сооружению дома началась. Адам придумывал различные механизмы для поднятия тяжелых балок, искусно обрабатывал камень, укреплял им фундамент, но и ему, и Еве все равно приходилось нелегко. Через несколько недель их первая халупа была сооружена. На пустынном и диком берегу на клочке неухоженной земли появился дом из кусков разрушенной Атлантиды, из руин самой древней культуры, из остатков цивилизации, которая когда-то напрямую общалась с богами, с живой природой, с Душой Всего. Как им этого всего не хватало... Их первый дом стал напоминанием о том великом, что ушло безвозвратно. Он стал данью исчезнувшей культуре.

Внезапно наступила осень. По усилившимся холодам Адам и Ева поняли – теплые дни закончились и их ждут суровые времена. Атланты начали болеть. Ссадины на их руках и ногах затягивались долго, гноились, кровь подолгу сочилась из ран, не сворачиваясь, мозоли на ладонях лопались, суставы ныли и не давали заснуть. Ни Адам, ни Ева не знали, как нужно обрабатывать раны, как избавляться от нарывов. В Атлантиде им не приходилось сталкиваться с подобным. Там не было ничего, что могло причинить им вред. Их тела были защищены, и они не ведали боли. Здесь же природа, которая раньше была их защитницей, открылась им с другой стороны.

Для них все начиналось с самого начала. Земля здесь не была столь плодородной, как в Атлантиде, и местные растения не баловали их дивными плодами, поэтому бывших атлантов не оставляло постоянное чувство голода. И это ощущение тоже было новым, в их животах рождались непривычные звуки, желудки бывших атлантов ныли не переставая. Все, что Адам и Ева видели вокруг себя, сразу же оценивалось, насколько оно годно в пищу. Все это делало их похожими на животных. Казалось, что в них пробудился инстинкт выживания, словно давало о себе знать чувство, которое вложил в природу сам Сатана. Так Адам назвал того, кто, по его предположению, вышел из ящика Пандоры и разрушил их мир.

Если бы Адам знал, насколько он близок к пониманию произошедшего. Но Адам был слишком занят добыванием пропитания для себя и Евы, чтобы погружаться в подоплеку сущего. А Сатана не дремал. Своим первым оружием и инструментом он сделал тварей с жуткими инстинктами, которые должны были, по его замыслу, захватить власть над природой. Выращенные в преисподней, они были направлены им на землю, чтобы стать царями сущего, правителями мира, над которым, как предполагал Сатана, Бог утратил свою силу. И некоторые из этих тварей стали появляться неподалеку от первого жилища Адама и Евы.

Это были животные, которых не знала Атлантида. В небе над берегом, который стал пристанищем для Адама и Евы, парили стервятники, в окрестных зарослях таились хищники, в расщелинах между камнями копошились скорпионы, змеи, ящерицы и прочие гады. В прибрежных водах зловещими тенями мелькали акулы и пирании. В воздухе гудели мухи. Все это было лишь частью общей картины. Вся земля заполнялась мерзкими тварями, которые выжили, убивая и пожирая плоть своих жертв. Для атлантов это выглядело дико. Раз за разом, наблюдая ужасные картины, Адам возвращался к мыслям о ящике Пандоры. Только он мог дать жизнь подобным существам, потому что для них эта дикая среда казалась привычным миром. Неспроста их становилось в округе все больше и больше.

Растительность менялась не так быстро, но и здесь Адам замечал перемены. По земле стали расползаться сорняки, стройные деревья окутывали лианы-паразиты, кусты одевались в колючки и исходились из трещин ядовитым соком. Вся эта поросль обвивала и душила те растения, к которым Адам и Ева успели привыкнуть. Она расползалась по полям и забивала те культуры, которые атланты пытались возделывать. Корни сорняков проникали глубоко в землю и лишали плодородные растения грунтовых вод. Вырастить что-то на возделываемом поле Адаму и Еве становилось все труднее. Их сад, в котором они выращивали местные плодовые деревья, и огород, где созревали жалкие подобия культур Атлантиды, требовали все больше и больше времени. Но атланты постепенно забывали вкус тех плодов, которыми наслаждались на своей родине. Местные плоды не шли с ними ни в какое сравнение, но лишь они служили источником силы для атлантов, и их нужно было оберегать.

Между тем посевы страдали от потрав окрестных тварей. Животные зверели от голода, поедая все, что им попадалось на глаза, нападали друг на друга, пожирая слабейших, пытались даже атаковать Адама и Еву. Атлантам приходилось отбиваться от них. Адаму даже пришлось сделать огромное копье, чтобы отгонять хищников. Но не только это беспокоило его.

Постепенно Адам стал замечать, что что-то меняется в природе самого человека. В его собственной голове происходило что-то странное. Ему казалось, словно какой-то червь поселился в ней. Это ощущение было едва уловимым, но Адам был мудрым философом Атлантиды, и он начал искать истолкование собственных ощущений, стал пытаться понять их природу и причину появления. Он выделял чувства, вызванные в нем природным инстинктом, их он мог понимать и контролировать, но он не мог понять природу тех червей, которых ощущал своим духом. Тех сорняков, что пытались прорасти в его мозгах, сердце и душе.

В какое-то мгновение Адам начал ощущать что-то, напоминающее черную дыру в голове. Ему казалось, будто кто-то проложил портал к его существу. Связал его душу с ящиком Пандоры. Вытянулся змеиным телом и обратился страшным мостом, по которому к нему приходит то, что ему чуждо. Адам противился этому потоку, потому что думал, что сам может рухнуть так же, как рухнула Атлантида. Ему казалось, что он – последний бастион исчезнувшей цивилизации и если он падет, то на землю ринется вся рать ящика Пандоры и тогда уже не будет спасения ни для кого. То и дело он возвращался мыслями к случившемуся и вечерами, засыпая, думал о том, что надо исторгнуть все поганые зерна, что просачивались в его почву, и вырвать все ростки, что пускали в ней корни. Надо закрыть, запечатать ящик Пандоры, как это сделали боги, на веки вечные. Ведь у них это как-то получилось. И Адам знал те ключи, которыми были запечатаны скрижали жизни и смерти.

В то же самое время Еве снилось, что она падает в темную бездну. Одиночество охватывало ее. Ей казалось, что она одна на всей планете и сама природа – Душа Всего борется за ее душу, деля ее на две части. Она словно пропалывала ее, вырывая из души все ангельское. Прореживала, чтобы, перед тем как ее тело рухнет на дно бездны, сумела спастись ее чистая, девственная часть. Еве было ужасно страшно, она ощущала, что ни Адам, ни Бог не в силах были ей помочь. Она их призывала, тонула, ей не хватало воздуха, она задыхалась, но протянуть руку помощи ей было некому. И вдруг ее душа вышла наружу, оторвалась от ее брэнного тела, которое рухнуло на дно бездны. И в этом сне Ева пережила ощущение смерти, такое близкое и сильное, что, когда она проснулась, еще долгое время не могла прийти в себя. Даже открыв глаза, Ева все еще оставалась в кошмаре. Этот сон словно был сильнее реальности. Сердце Евы колотилось, кошмар постепенно рассеивался, и она приходила в себя, обливаясь потом и исходясь дрожью.

Ева не могла понять происходящего с ней. То, как природа обходилась со своей дочерью, навевало на нее жуть, понижало ее до глубины души. Возможно, все дело было в отсутствии Души Всего и невозможности наладить связь с природой Земли. Безжалостная природа словно внушала Еве, что та совершенно одна и ей неоткуда ждать помощи. Все это было проявлением новых сторон сущего, последствиями открытия ящика Пандоры. Сатана уже пробивался наружу, используя эти сны как один из своих инструментов. Сомнения и страх охватывали Еву. И Сатана, который почувствовал свою силу осознал свои возможности, понял свою власть над живой душой Евы. В его власти оказались нити, которыми он мог управлять. На очереди был Адам.

Отойдя от страшного сна, Ева почувствовала, как все переменялось в ней и вокруг нее. И ее сердцебиение было отражением этих перемен. Сердце не привыкло так откликаться на душевные терзания. Ему было тяжело прокачивать кровь по ее телу. Оно отзывалось болью на необходимость работать в таком ритме. Но именно этот ритм и был нужен Сатане. Он питался этими вибрациями, наслаждался эманациями страданий, и это была первая чистая еда, которую он себе добыл после того, как Бог отрезал его от источника благодати – Древа жизни. Свершилось. Сатана мог вновь питаться чистой манной небесной и даже делиться ею со всем его Тартаром, наполняя ею кубки. И в тот момент, когда Ева переводила дыхание, в чертогах Сатаны гремел пир с бокалами, наполненными соками ее жизни.

– Атланты распахнули ящик Пандоры, – шипел Сатана. – Теперь у нас есть власть над этим миром! Но получение власти было лишь первым шагом. Теперь я приступаю к главному. Я поселю в головах этих наивных атлантов собственное детище. Я внедрю в их почву свое эго. Когда оно прорастет в их душах, то даст такие плоды, что мы заживем всем Тартаром как боги. Оно изменит атлантов так, что нам откроются немыслимые порталы и неиссякаемые водопады Древа жизни обеспечат нам тысячелетия пиршества.

Гром аплодисментов был ему ответом. Все знали, что Сатана был хозяином своего слова. И это значило, что он вплотную занялся сущностью человека.

На радость богам, и Адам, и Ева обладали природной интуицией. В их жилах все еще текла кровь атлантов. В их душах пребывала та жизнь, которой они пропитывались в Атлантиде, где царила душевная гармония, слитая с Душой Всего и природой жизни. Атланты были защищены от происков Сатаны. Но у него имелись все рычаги для того, чтобы взять их крепость. Это было лишь вопросом времени.

Глава третья

Происки Сатаны и Божественное начало

Оставаясь в неведении относительно планов Сатаны, Адам и Ева стали собираться в путь. Пришла пора изучить окрестные земли, разыскать более обильные источники пресной воды и по возможности более спокойные земли для будущей жизни. Сделав достаточный запас провианта в дорогу, они перешагнули порог своего первого дома.

Атланты понимали, что путь обещал быть долгим, так как, стоя на вершине близлежащего холма, они давно заметили, что горные вершины уходят далеко за горизонт. Так и оказалось. Их путь через неизведанные земли, через горные перевалы и долины занял много месяцев. Адам шел, вооружившись тяжелой тростью, которой он отпугивал диких животных. Ева несла теплое одеяло для ночлега, которое она сшила из кусков выброшенной морем ткани – последнего напоминания о погибшей Атлантиде. Всю дорогу Адам вел наблюдения за природой. Постепенно он начал замечать некую цикличность в смене ее сезонов. Периодичность природных перемен странно совпадала с периодами, когда естество Евы кровоточило. Двадцать восемь лунных фаз навели Адама на мысль, что лунный календарь соответствует природным процессам Земли. Сопоставляя увиденное, Адам создал первый календарь, который состоял из тринадцати лун. После этого жизнь атлантов приобрела некую временную упорядоченность. В Атлантиде время протекало по-иному, но хотя Адам был кроносом и прекрасно разбирался во времени, прежние его знания теперь были почти неприменимы. Если в Атлантиде один дневной цикл мог длиться сотни земных лун, то дневной цикл Земли на его фоне казался мгновением. И все же рассчитать цикл из тринадцати лун было непросто.

Составляя свой календарь, Адам со временем обнаружил, что природные явления повторяются. Если закат был красным, то наутро случится ветер. Если утром стоял туман, то день будет теплым. Если сгущаются тучи и начинает дуть ветер, жди дождя. Свои наблюдения и умозаключения Адам запоминал, а на коротких стоянках записывал на обработанной коре деревьев, которую он снимал с поваленных бурей стволов. С каждым месяцем пути груз его рукописей становился все неподъемнее. Адам пытался запоминать самое важное из записанного и время от времени устраивал тайники, где оставлял свои заметки, чтобы вернуться за ними впоследствии, если в том будет нужда.

Их путь казался бесконечным. Атланты преодолевали ущелья и горные склоны, раздирая свои одежды, которые и так уже напоминали лохмотья, продирались через дикие лесные чащи. Лишь изредка им попадались светлые ручьи и крохотные уютные поляны. И чем дальше они уходили от дома, тем более невозможным казалось им возвращение. В конце концов атланты решили, что, если через несколько лунных циклов ничего не изменится, они все же начнут обратную дорогу. Вернутся к их первому милому дому и саду, в который были вложены их труд и душа.

Но не прошло еще и двух лунных циклов, как атланты начали замечать, что природа вокруг них меняется. Луга, на которые они ступали, поражали атлантов разнотравьем, деревья удивляли их густыми кронами, а леса и пространства – яркими и насыщенными красками. Природа словно оживала, и ощущение ее наполненности жизнью заставило атлантов забыть о возвращении. Однажды, когда луна спряталась в облаках и землю укутала мгла, Адам и Ева

остановились на очередной ночлег. Обычно они находили себе убежище под большим деревом или старались укрыться в каком-нибудь овраге, но в этот раз им пришлось подыскивать место для ночлега почти на ощупь. На следующее утро они проснулись от какого-то шума, на который не обратили внимания с вечера. Поднявшись, атланты двинулись в сторону этого шума. Они пробирались через густые заросли и чем ближе подходили к источнику шума, тем громче он становился, напоминая уже какой-то гул. Наконец, атланты вышли из леса, вскарабкались на высящийся за ним холм и замерли в восхищении.

Они стояли на краю обрыва, за которым открывался чудесный вид. Перед ними лежал грандиозный каньон, в котором воистину царствовала дивная природа. Взору атлантов открылись луга и озера, рощи и ручьи, обращающиеся в реки. Эти реки спускались с вершин окрестных гор, они словно сплетались друг с другом, рушились со скал в озера чудесными водопадами, переливаясь на солнце разными цветами, воздвигая радуги и сверкая солнечными бликами. В благословенной долине, что раскинулась перед атлантами, благоденствовала жизнь. Даже с такой высоты они видели плещущуюся в озерах рыбу, разгуливающих по лугам и взлетающих над кронами деревьев птиц, пасущихся на открытых пространствах антилоп и диких коз. И все вместе одаривало атлантов ощущением гармонии и спокойствия. Впервые после долгого перерыва они почувствовали присутствие живого духа.

– Посмотри, Ева, на этот рай, – восторженно произнес Адам. – Кажется, мы наконец нашли свой новый дом.

Ева ничего ему не ответила, но улыбнулась впервые за долгое время. В ее глазах словно проснулась надежда и ожила радость. Ей понравилось то, что она увидела.

Продолжая восхищаться найденной долиной, атланты спустились в нее и пошли по лугу к центру этого дивного места, который совпадал с небольшим холмом, занятым уютной рощей. С верхушки этого холма, по предположению Адама, можно было обозреть всю долину на тысячи шагов во все стороны. Так и случилось. Поднявшись на холм и миновав тенистую рощу, составленную из высоких и стройных деревьев, атланты оказались на поляне, с которой было видно все вокруг – и реки, и озера, и луга, и водопады, и горы. Найденная ими долина была идеальным местом для нового дома и лучшим местом для новой жизни. Адаму и Еве казалось, что их путь подошел к концу. Вымотанные дорогой, они опустились на мягкую траву, чтобы передохнуть и набраться сил. Они решили остаться здесь.

Через несколько лунных циклов атланты соорудили свой второй дом. Они использовали деревья из ближайшего леса, в ход шли даже ветви и сучья, но их жилище получилось надежным. Оно выросло возле водопада с прозрачной водой, в месте, которое атлантов особенно очаровало. Оно как будто напоминало о прошлой жизни, оведало гармонией и укутывало уединением.

Наконец-то атланты зажили так, как хотели. Они продолжали трудиться, но теперь у них всего было в достатке. Потекли лучшие годы их жизни. Теперь они чувствовали себя свободно и счастливо. Их счастьем ничто не мешало. Их дом стал маленьким раем, в котором они упивались собственным счастьем, размышляя и гадая о будущем. Ведь Адам и Ева были еще очень молоды, но находились в том возрасте, когда в Атлантиде начинали готовиться к священному обряду – зачатию ребенка. По сути, атланты подготавливались и шли к этому всю жизнь. У некоторых ребенок оказывался единственным, других природа одаривала несколькими детьми, но счастьем было и то и другое. Никто из атлантов не сомневался в мудрости Души Всего, в ее провидении и воле. Пришло время задуматься о ребенке и Адаму и Еве. Но в Атлантиде сама связь с природой налаживала некий контакт с женским началом, его внутренней средой. Налаживала для того, чтобы соединить душу нарождающегося ребенка с его родителями. Отвечала за перемещение юной монады в лоно матери. На земле прежней связи с природой не было.

Ева, как женщина, больше чувствовала природу, ее женское начало всегда было ближе к матери-прародительнице, к душе природы. Но тут она не могла наладить эту связь, которая

оказалась оборванной полностью. Адам же по природе отличался мужским началом, способностью к логике и мудрости суждений, что делало их союз с Евой совершенным, но и он не представлял себе, как они должны подступиться к зачатию ребенка. Когда-то их души были в единой оболочке двух начал под защитой Души Всего, самой природы, но тут у них этой защиты не было. И атланты решили довериться провидению.

Сначала они задумали провести брачный ритуал, который требовал тщательной подготовки. Несколько лунных лет Адам и Ева обретали гармонию. Они наполняли свои души спокойствием и непоколебимостью. В конце концов они начали видеть в своих снах образ своего будущего дитя, что наполняло их дополнительным счастьем. И Адам, и Ева ощущали – счастливый день близок. Зачатие должно было состояться, когда они оба достигнут особого душевного состояния. Обряд стяжения Божественной монады был самым священным таинством их прежней жизни, и теперь тоже не было ничего важнее этого.

Когда этот день настал, Ева была прекрасна. Она сияла так, как сияют архангелы. Ее душевное состояние невозможно было описать словами. Она танцевала, и этот танец дополнял ее красоту и грацию. В этом танце была вся ее жизнь. Адам подошел к ней, и они начали танцевать вместе. Они сплетались в одно целое и замирали в душевном экстазе. Поток света, который создавался их танцем, пробивал своею силою небеса. Казалось, что они стали двумя солнцами, способными спалить все вокруг. Их любовь была не просто чудотворной, не было ничего сильнее ее, и зачатие совершилось. Ева почувствовала будущего ребенка с самой первой секунды. Почувствовала себя матерью.

Оставшуюся ночь Адам и Ева спали долгим и глубоким сном. Им казалось, что они лишились половины всей своей жизненной силы. И вместе с тем это был самый сладкий сон всей их трудной жизни.

Проснувшись наутро, они помолились богам. Атланты отдавали себе отчет в том, что их союз наполнен огромной ответственностью перед грядущими поколениями тех, кто будет жить на этой земле. Их пребывание здесь не могло быть случайным событием, и они чувствовали, что являются частью Божьего провидения.

Но у Сатаны были свои собственные планы. Он тоже ждал момента зачатия, так как подготовил для него одно из своих самых коварных оружий – человеческое эго. Оно было наготове и ждало своего часа, чтобы внедриться в человеческую монаду. Эго должно было изменить человеческую натуру. Дети богов обретали свою смертную участь, перемешав Божественное начало с земным. Так должно было свершиться долгожданное дьявольское чудо – катарсис, которого так ждал Сатана. И когда монада была стяжена, Сатана, не медля ни секунды, посеял ужасное семя в благоприятную почву. Страшное свершилось. Теперь его эго было соединено с Божественной природой Адама и Евы. Оставалось ждать того, как оно приживется и каковы будут его плоды.

С самого момента зачатия, почувствовав себя матерью, Ева стала меняться. В ней словно включился природный механизм защиты. Сама того не подозревая, она совершала вещи, которые раньше никогда не делала. Материнские инстинкты стали управлять ею. Ева стала более осторожной, более восприимчивой. Ее чувства обострились, все происходящее с нею и вокруг нее она начала принимать близко к сердцу. Адам замечал эти изменения. Он знал, что женская природа во все времена была более эмоциональной, чем мужская. Он понимал, что женская натура всегда была ближе к Душе Всего. Бог создал Вселенную с двойственной природой, и именно союз этих природ зарождал жизнь. Женское начало всегда было более чувствительным, тогда как мужское отвечало больше за логику и мышление. Только извечный импульс жизни, само животворящее начало вмещало в себя оба начала, и это было именно то, к чему стремились боги. То, что создавало, по их меркам, рай. Адам знал это из рукописей бытия богов и сотворения мира, над переводом которых он провел огромное количество времени. Размышляя об этом, Адам наблюдал за Евой и видел, что она ведет себя порой необычно.

Между тем Адам и Ева продолжали вести спокойную жизнь. Они работали вместе, прокладывали дорожки между деревьями, устраивали каналы для орошения созданных ими полей и садов. Собирали выращенные ими спелые плоды, чтобы утолить мучивший их голод. То, чего они не знали в Атлантиде, постепенно становилось их обыденностью. Их жизненная сила, их вечная молодость больше не были гарантированы им.

Шло время, Ева отметила, что уже второй лунный цикл ее естество не кровоточит. Сомнений быть не могло – ее беременность состоялась. Она ощущала это и раньше, но теперь у нее было прямое подтверждение. Почувствовав огромную радость, она поспешила к Адаму, чтобы поделиться с ним этой вестью. Он трудился в лесу, обрабатывая заточенным камнем ствол дерева. Еще подбегая к любимому, Ева прокричала ему:

– Адам! Чудо свершилось, у нас будет ребенок! Боги смилостивились над нами!

Она была счастлива. В ее утробе была жизнь. Крохотное создание, которое прорастало, как дивный и хрупкий цветок. Адам от радости поднял ее на руки и начал кружить вокруг себя. Они оба радовались и смеялись, как маленькие дети. Воистину, это был момент их истинного счастья. Природа одарила их, и они были ей безумно благодарны.

– Кровь моя, – шептал Адам, прижимая к себе Еву. – Половинка моя неразделяемая, израя мне посланная, чтобы со мной провести вечность. Ты принесла великую жертву во имя нас. И я ценю это. Ты будешь самой лучшей матерью. Твое лоно священо.

Поставив Еву на ноги, Адам опустился на колени и прикоснулся к ее животу. Он почувствовал тепло и попытался представить ощущение зарождающейся внутри жизни, которое испытывала Ева. Он был счастлив.

Глава четвертая

Сошествие

Для Адама и Евы все было впервые. Оказавшись на чужой земле, на которой свет не лился с небосвода без перерыва, а день сменяла ночь, они даже не знали, сколько должно пройти лунных циклов от зачатия до рождения ребенка. Адам вел счет дням, делая записи на лоскутах коры, которые срезал с погибших деревьев, используя для этого вырубленный из камня нож. У Адама было много самых разных инженерных приспособлений. Чего он только ни придумывал для облегчения работы – подъемные устройства и тачки с колесами для перемещения тяжелых предметов, водяные мельницы, колодцы. Для защиты от хищного зверья у него были копья, луки, дом-крепость и ограждающий сад забор. Мужская природа и логика позволяли Адаму решить почти любую задачу. Он владел грандиозными знаниями, но не мог применить их все и сразу. Адам не знал, какие минералы есть у природы, где их искать, как добывать и как обрабатывать. На все было нужно время. Пока что он использовал только подручные материалы, и у него это неплохо получалось. Построенный им дом с инженерной точки зрения был гениальным. Там был подвал, надежная крыша и несколько этажей, вздымавшихся над благословенной долиной.

Адам сам был величайшим творением Бога. Будучи атлантом, еще недавно он мало чем отличался от богов. Но теперь его плоть и кровь претерпели изменения. Он становился человеком. Он даже пытался разобраться в строении собственного организма. Ему казалось, что ничего сложного в его теле не было. Принципы работы суставов, костей, мышц, переваривания пищи он видел настолько ясно, что вскоре научился избегать всевозможных болезней, ран и увечий. Сложнее было разобраться с невидимым – осознать механизмы мышления и чувственной сферы, учесть множество внешних и внутренних факторов, влияющих на них. В познании этой части человеческой природы Адам испытывал некоторые затруднения. Он запоминал все, что не соответствовало духу атлантов, и размышлял над этим. Что-то он начинал понимать, что-то ему предстояло понять через какое-то время. Но с тех пор как Адам оказался на земле, процесс человеческого самоосознания не заканчивался никогда.

Беременность Евы протекала легко. С каждым днем ее живот становился все больше. В ее чреве зарождалась дивная жизнь. Ева чувствовала, как ребенок растет. Он крутился, вытягивая то одну ручку, то другую, толкался ногами. Ева ловила его удары, прижимая к животу ладони, и радовалась чуду, которое в ней созревало.

Подходил день родов. Еве с каждым днем становилось все тяжелее передвигаться. На Адамовых плечах, как на плечах истинного атланта, держалось все – и судьба его семьи, и надежда новой Атлантиды. Погружаясь в заботы, он думал обо всем сразу – о доме, о будущем урожае, о сезонных хлопотах, конечно же, о ребенке и о том, что ему не давало покоя. В тот солнечный день Адам работал в поле, что располагалось вблизи от их дома. Он возделывал посевы и размышлял над вещами, понять которые ему все еще не удавалось. Открыв ящик Пандоры, он высвободил смерть, которая скрывалась за семью печатями. Ее запечатали боги, заботясь о судьбе будущих поколений. Значит, они осознавали опасность знания сути жизни и смерти. Но если следовать логике, запретить можно лишь то, с чем уже пришлось столкнуться лицом к лицу. Значит, боги претерпели то же самое, что приходится претерпевать Адаму?

Тогда для чего нужно было оставлять скрижали? Почему боги не уничтожили ящик Пандоры? Не стерли даже упоминание о нем? Почему они не исключили возможность того, что могло случиться и что случилось?

Эти мысли не оставляли Адама. Он не мог понять замысел Творца. Зачем мирозданию места, лишённые Бога и жизни? Зачем ему страдания, которые приносит смерть? Зачем ему все это? И, думая об этом, Адам вдруг почувствовал чье-то присутствие. Он выпрямился, развернулся и увидел приближающегося человека. Или же это был не человек?

Незнакомец подходил под те описания, что попадались Адаму в древних рукописях. Его одежда сияла. Более того, он сам сиял, да еще и не ступал по земле, а как будто парил в воздухе. Величие переполняло его. Его нельзя было спутать ни с кем. Это был сам Творец, Создатель, Бог. Он приблизился и обратился к Адаму:

– Адам, ты задаешь вопросы, на которые не услышишь ответа. Всему свое время. Твое время придет, и ты все узнаешь. За тобой придет последний Адам, и он тебе все покажет. А пока позаботься о Еве и о сыне своем Каине. Не медли.

Словно тень промелькнула перед глазами Адама. Когда он их открыл, рядом уже никого не было. Бог исчез. Адам не мог понять, как он мог лишиться сознания, но ни на мгновение не усомнился в том, что ему явился Бог, и это не было ни сном, ни миражом. Он помнил все сказанное Всевышним до последнего слова. Восторг охватил Адама. Явление Бога было тем долгожданным чудом и счастьем, которого так долго ждал Адам. Он не мог дышать, его сердце рвалось на части от пережитого. Ему хотелось кричать: «Ева, мы не одни!»

Адам что было сил побежал к дому. Ева в это время собирала яблоки с дерева и, увидев Адама, сорвала ему самое красивое. Она видела, насколько он взволнован, и протянула ему это яблоко. Но он лишь отбросил его в сторону, обнял Еву и изо всех сил прижал ее к себе. Ева еще никогда не видела Адама таким возбужденным. Она поняла – что-то произошло.

– Ева! Любимая! Мы здесь не одни!

– О чем ты говоришь, Адам? – испугалась Ева.

– Я только что разговаривал с Богом! Он сказал мне, что у нас будет сын и мы назовем его Каином.

Ева была потрясена. Ощущение счастья охватило ее, глаза Евы засияли. Она обняла Адама и стала покрывать его лицо поцелуями, потому что сказанное им значило, что они не прокляты, что есть им и спасение, и благодать, для них это была манна небесная. Не могло быть новости, прекраснее этой. Это был день их духовного воскрешения. День, когда они снова уверовали в богов, в их провидение, в их замысел. С этого дня Адам и Ева начали молиться. Они построили маленький жертвенник, чтобы ежевечерне приносить на него самые вкусные плоды – дары богам.

Адам и Ева не знали, что это был за Бог, но одно лишь его присутствие меняло все. Адам думал, что, раскрыв ящик Пандоры, он оборвал их связь с высшими силами навсегда. Теперь все становилось на свои места. Адам и Ева обрели внутренний покой. Теперь им было не страшно.

На следующий день Адам и Ева предчувствовали изменение погоды. Жизнь на чужой земле научила их многому. Они стали чуткими к климатическим изменениям. Погода ухудшалась, небо затянули тучи. Они были столь черны, что среди белого дня стало темно как ночью. Засверкали молнии, которые стали приближаться и становились все ярче, донеслись раскаты грома. Поднялся ветер такой силы, что деревья затрещали, вырываемые из земли с корнем. Вслед за ветром пришли дождь и град. Жилье Адама и Евы было прочным, но не прочнее деревьев, чьи корни обрывались. Ураган обошелся с их домом, как с игрушкой, терзая его и разрушая. Адам и Ева переживали бурю в глубоком подвале, но сквозь прорехи в его перекрытиях видели, как ветер разметывает их жилище без остатка. Ужас охватил Еву, и, сжавшись от испуга в объятиях Адама, она вдруг почувствовала сильную боль в животе и закричала.

Испугавшись за Еву, Адам отстранился, держа ее за руки. Ева вскричала еще сильнее. Это был дикий стон, который сливался с громом и молниями. Казалось, что Ева не переживет охватившей ее боли. Она кричала так сильно, что Адам уже не слышал грома. И последний крик Евы совпал с самой сильной молнией, после чего между ног Евы показалась головка ребенка. Ева рожала. Адам, увидев, что происходит, бросился помогать жене. Через несколько минут в его руках был он – Каин, сын, первое дитя человеческое. В секунду стихия успокоилась. Стих ветер, и рассеялись тучи. Выбравшись из-под развалин, Адам с гордостью и радостью поднял свое дитя к небу. В этот миг из-за тучи пробился луч света и осветил первородное дитя, сына человеческого, Каина.

Ева успокоилась тут же. Ей стало гораздо легче. Она смотрела на своего ребенка, и боль, смешанная со счастьем, делали ее матерью человеческой. Постепенно боль уходила, и оставалась только радость. Не было мига прекрасней на свете, чем зарождение жизни, истинного чуда бытия, которого никому и никогда не понять. Даже не слыша привычного отзвука, Ева молилась Душе Всего, самой природе, благодаря за столь щедрый дар.

Адам, опустившись на колени, бережно вернул ребенка матери. И хотя Ева потеряла очень много сил и была очень слабой, она взяла на руки Каина. Ее сердце было переполнено любовью. По ее щекам катились слезы счастья. Она рассматривала крохотное существо и умилялась им.

Отныне их было трое.

Глава пятая

Каин

Адам воспитывал сына как должно атлантам. Объяснял, как все работает, посвящал его в тайные знания. Рассказывал ему, какой была Атлантида, о том, что они были держателями небес и он сам был кроносом и что жизнь их текла с иной скоростью. Говорил о бессмертии. Описывал утраченную культуру, которая позволяла им контролировать как время, так и саму жизнь, без слов общаться с природой. Говорил, что их союз с Душой Всего был величайшим достижением духа. Описывал рай, который посещали боги на протяжении тысячелетий. Рассказывал о том, что не было минерала, которого они не могли бы добыть и переплавить во что угодно, вторгаясь в самые недра земли. Наиболее редкие из них имели особые свойства и могли воздействовать на ментальную природу атлантов, оживляя память. А с помощью обычного кремния атланты были способны поддерживать связь с другими галактиками. И из этого минерала был построен их храм Времени и Сердца.

Каин внимательно слушал отца, но чаще прислушивался к своему внутреннему голосу, который ему был намного интересней. Каин не знал, что в нем говорит не кровь атлантов, а та часть падшей природы, что понемногу захватывала его. Каин был наивен и верил всему, что ласкало его ухо. И чем дальше, тем больше ему казалось, что от его внутреннего голоса исходит подлинная мудрость.

Сам Сатана подпитывал его гордыню. Он с вождением наблюдал, как его семя прорастает в душе Каина. Эго, посеянное Сатаной, уже плодоносило, зародив в человеке возвышенное, жаждущее триумфа Я, и это было самое опасное, с чем человеку придется столкнуться в будущем.

Зарождение первого Я произошло, когда сознание созрело и стало само определять себя в окружающем и разделенном мире, так как внутренняя природа человека тоже была разделена. Но Каин не знал этого. Определяя себя как личность, он заполнял внутреннюю пустоту собственными догадками, а так как его внутреннее Я по своей природе требовало самоутверждения, Каин стал замечать, что своеволие и потакание собственным желаниям приносят ему удовлетворение и легкость. С ними он вкушал сладость свободы и постепенно пришел к выводу, что ему все дозволено. Только его решения были правильными, родительское мнение для него постепенно теряло всякую ценность и предавалось неприятию. Ведь именно он был первым сыном человеческим, первым родившимся на земле от родителей-атлантов. Именно он обладал статусом, с которым следовало считаться.

В душе Каина происходил бунт духа. С момента появления его Я стало заправлять всем. Он начал считать себя истинным дитя Атлантиды. Считать себя обладающим властью по праву рождения. В его душе слышалось только Я... Я... Я... Я, и звонкое эхо этого Я становилось все громче. Это было Я с большой буквы. Я, которое заслуживало почестей.

То, что породило эго, было духом противоречия. Тем, что разделило душу на Божественное Мы и человеческое Я. Каин, сам того не понимая, способствовал этому разделению. Теперь в его лице природа имела две противоположности. Вот так одно простое Я породило человеческую гордыню и вскоре привело человека к смертельному греху.

Но это было только начало. Эго продолжало расти, и следующим его порождением стало себялюбие. Это было зеркало, которое эго воздвигло на границе Я и Мы, чтобы человек не мог взглянуть на свою истинную природу, но видел только себя.

Каин рос так быстро, что Адаму и Еве казалось, будто время мимо них пролетает неудержимо. Они наблюдали, как их сын обрабатывает с усердием землю и постепенно превращается в мужчину. К тому времени, когда Каин повзрослел, Ева была вновь беременна, на свет должен был появиться Авель – младший брат Каина. В этот раз Еве уже было легче. Авель появился на свет днем, и Каин наблюдал, как отец принимает роды. Рождался его брат, но Каин ничего не чувствовал, словно какая-то пустота поселилась в нем. Адам и Ева были счастливы, их, как и при рождении Каина, охватили те же чувства. Адам наклонился к Еве, принял у нее ребенка, подошел к Каину и протянул ему новорожденного:

– Это брат твой. Роднее у тебя никого нет. Береги его.

Каин взял Авеля на руки, но тут же вернул его отцу.

– Что случилось, Каин? – удивился Адам.

– Не знаю, – мрачно произнес Каин. – Я не могу этого объяснить.

– Это брат твой на веки веков, – проникновенно произнес Адам. – Теперь он часть нашей семьи. Нет у тебя теперь никого ближе, и ты теперь его защитник.

Каин ответил молчанием.

Жизнь шла своим чередом. Авель подрастал, Каин мужал. И Ева, приглядываясь к сыновьям, отмечала, какими они были разными. Несмотря на разницу в возрасте, Авель казался выдержаннее старшего брата. В его спокойствии и сдержанности как будто таилась некая внутренняя правда, что неизменно раздражало Каина. Авель никак не отвечал на это раздражение. Он был полон смирения, в котором жила душевная гармония и любовь. Авель пас овец и, находясь в уединении, словно сливался с природой. Когда он засыпал, к нему приходили необъяснимые образы. Он видел огромные пирамиды в пустыне, живого Сфинкса, железных птиц, парящих над головой. Просыпаясь, Авель пытался осмыслить свои сновидения. Все чаще ему казалось, что, погружаясь в сны, он может видеть все, что захочет. И то, что он видел, напоминало храм Времени, о котором рассказывал отец. Воистину, в нем пробуждалась кровь кроносов, которые обладали даром видеть.

Авель не рос замкнутым, хотя часто находился в раздумьях и созерцании, погружаясь в свой огромный внутренний мир. Его было невозможно вывести из себя, что приводило в ярость его старшего брата, который на все имел свою точку зрения и постоянно пытался ее доказать. Авеля это не интересовало. Он избегал конфликтов и споров. Еще меньше его интересовало первенство. Ему было неважно, кто из них с Каином старший брат, а кто младший. Он не понимал, для чего нужно какое-то разделение. Ему было достаточно, что они братья. Но Каин ни на мгновение не забывал, что он был первым сыном. Он считал, что знает больше, видел больше и заслуживает большего уважения, чем Авель. Они были родными братьями, но не совпадали ни в чем.

Глава шестая

Братья по крови

Авель всегда помогал родителям. Особенно он ценил минуты рядом с отцом, который рассказывал ему интересные истории. Ева смотрела на них с нежностью, в ее представлении со вторым сыном в их семью пришла сама Душа Всего. Каин мрачнел. Он чувствовал любовь родителей, обращенную к Авелю, и наполнялся злобой. Зависть захватывала его, прорастала в его душе, словно опухоль. Рано или поздно она должна была лопнуть. Каину казалось, что никогда он не чувствовал той любви, которой родители одаривали Авеля. Это было невыносимо. Напряжение нарастало.

И это был момент торжества Сатаны. Посеянное им эго разродилось противоположностью любви и жизни. Оно вырвало из души Каина Божественное начало. Его яд отравил Каина. Не хватало последнего штриха...

Однажды Каин с раннего утра работал в саду, возделывая почву под посевы. Работа под палящим солнцем вымотала его. Корни деревьев, которые он корчевал, не поддавались его усилиям, что обозлило Каина. Он стал кричать и пинать их ногами. В это время мимо сада гнал овец Авель. Одно из животных забежало в сад, за ним ринулась вся отара. Авель бросился отгонять овец, но было поздно. Вся дневная работа Каина была вытоптана. Каин был разъярен. Он схватил какую-то палку и принялся избивать животных. Казалось, ничто не может его остановить. Увидев это, Авель попытался успокоить старшего брата. Он хотел его остановить. Подбежав к брату, Авель перехватил палку, которой размахивал Каин. Тот потянул ее на себя, вырвал свое оружие из рук Авеля, потерял равновесие и, оступившись, упал, ударившись головой. Почувствовав кровь на лице, Каин нащупал камень, о который разбил голову, подхватил его, вскочил на ноги, размахнулся и ударил им Авеля по голове. Авель упал замертво.

Произошло что-то ужасное. Каин замер. Работавшие в отдалении Адам и Ева бросились к сыновьям. Ева бежала так быстро, что не раз падала на бегу. На небе мгновенно сгустились тучи, и с громовыми раскатами в одно из ближайших деревьев ударила молния, заставив дерево вспыхнуть. Казалось, что земля задрожала у них под ногами. Авель не шевелился.

Ева упала на колени и, обливаясь слезами, припала ухом к груди сына. Его сердце, которое девять лунных циклов стучало в ее утробе, не билось. Весь мир покрылся мраком и погрузился в пустоту скорби, которой не было предела. Это была первая смерть на земле.

Наступила минута безмолвия, которую разорвал жуткий гром. Снова засверкали молнии, и начался ливень. Ева подняла руки к небесам и закричала:

– О боги! За что вы меня оставили?! Зачем вы забираете то, что так любимо моим сердцем? Прокляните меня, я отдаю вам свою жизнь, берите ее, но верните Авеля, сына моего, прошу вас!

Она стояла на коленях, и ее слезы смешивались с каплями дождя. Казалось, что небо плакало вместе с ней. Адам и Ева были разбиты. Во второй раз в их жизни рухнуло все. Вслед за Атлантидой ушел их любимый сын Авель.

Адам был потрясен не меньше Евы, но думал в эту минуту только о ней. Можно ли успокоить материнское сердце, которое разрывается от боли? Можно ли избавиться от шрама, который пересекает душу? Все, что он мог, так это упасть на колени рядом и обнять ее.

Каин молча смотрел на своих родителей. Он знал, что он сделал, но не понимал, что совершил. Он не осознавал, что разорвал извечную нить жизни, что соединяет каждое сердце с Душой Всего. Не чувствовал, что раскрытие ящика Пандоры по сравнению с тем, что он сделал, было ничтожным событием.

Но все это знал Адам. Он понимал, что их семья проклята. Что от их жизни остались одни руины, и они – бессмертные атланты – остались ни с чем. Ящик Пандоры сметал все на своем пути. Теперь для смерти не было преград. Открылся путь, по которому на землю ринулась нечисть. Великое эго созрело, и сотворенная им смерть, которую вкусил Каин, стала его апофеозом. Разрыв связи с вечно живым, не об этом ли мечтал Сатана? Теперь у него были развязаны руки. Теперь он мог вершить свои дела. Теперь сонмы падших душ, уставших от ада, могли получить новое место для жизни. Врата в земную обитель для них были открыты.

Каин продолжал стоять неподвижно. Дождь лил, смывая кровь с его лица. Адам поднял тело Авеля, и они с Евой пошли прочь.

Провожая любимого сына в последний путь, они отнесли его в пещеру на вершине холма, не зная, что ждет Авеля за той чертой, за которой он оказался. И в эти минуты Адам вспомнил их беседу, которая случилась, когда Авель был еще ребенком. Они сидели как раз на этом холме и любовались прекрасными видами.

– Папа, – вдруг спросил Авель, – все те, кто погиб в Атлантиде, они сейчас где?

Адам не ожидал такого вопроса, да и не задумывался над ним. Но он должен был сказать что-то важное. Смерть не могла быть бессмысленной.

– Они вернулись в небесную Атлантиду – ответил Адам. – В истинный дом свой.

– А мы тоже туда попадем? – спросил Авель.

– Да, сын мой, – прошептал Адам. – Мы все когда-нибудь вернемся в землю нашу обетованную.

Тогда они долго сидели на этом холме. Авель слушал рассказы Адама о земле, которую тот называл раем. Адам придумывал удивительные истории. О том, что небесные атланты летали, как птицы, взмахивая прозрачными крыльями и поднимаясь к самому небу. Это были приятные и незабываемые мгновения, от которых теперь оставалась только ужасная боль.

Адам занес тело Авеля в пещеру, положил его на землю, скрестил ему руки на груди и поцеловал в лоб, глаза и ноги. Это было прощание любящих сердец, не знавших ни похоронных традиций, ни обычаев. В этой пещере Адам и Ева просидели над телом своего сына три дня и три ночи. Никто из них не ведал, что в этой пещере будут лежать они все. Что рядом с Авелем однажды положат Еву, а рядом с Авелем и Евой – Адама.

Не знал Адам, что именно Каин в покаянии и смирении принесет его сюда и положит рядом с женой и сыном. Не знал, что Каин в день его смерти соберет всех его сыновей, внуков и правнуков, чтобы отдать должное первому атланту земли. Не знал, что сотни его потомков будут скорбеть над его телом. Не знал и не мог знать.

После случившегося Ева предлагала Адаму отказаться от деторождения. В этом случае род человеческий исчез бы со всеми своими пороками и грехами. Но мудрый Адам запретил даже думать об этом. Рождение детей всегда было великим таинством, связью духа с природой, с Душой Всего, с самой жизнью. Отказ от детей нарушил бы святую заповедь Божью. Ева послушалась мужа, и они продолжили жить.

У них с Адамом было еще много детей, и Ева видела, как у ее детей рождались другие дети, а у тех детей – их дети, и она становилась бабушкой, прабабушкой и прапрабабушкой. Первые люди на земле жили долго. До гибели Атлантиды атланты были бессмертны, но их бессмертие кануло вместе с их родиной. Они жили долго, но старость пришла и к ним. Когда Ева умерла, Адам у ее могилы произнес:

– Мы прожили долгую жизнь с тобой, Ева. Почти тысячу лет. И я обещаю, что найду тебя после смерти в следующей жизни, потому что нет ничего, что может нас разлучить. Я обязательно тебя найду на нашей земле обетованной, иначе нет ни в чем смысла.

Адаму было тяжело. Он помнил о своем разговоре с детьми, из которого следовало, что его обещание Еве может и не исполниться. Однажды он говорил с детьми о богах и провидении Божьем и сказал то, что запомнил слово в слово:

– Если во время суда Божьего на пороге чистилища Бог спросит у меня, хочу ли я взять все совершенные моими детьми грехи на себя, чтобы они смогли попасть в рай, я скажу: «Да!» Я предпочту ад и откажусь от рая, так как я лишил вас его. Все грехи, которые когда-либо совершит человек, будут только на моей совести. Так что я готов ко всему. И я буду молиться за вас за всех, хотя в аду это будет и непросто. Когда я уйду, похороните меня рядом с моей женой Евой. Рядом с той, с кем мое сердце было от самого начала и до самого конца. С вашей матерью, единственной и родной. И если в один прекрасный день смерть соединит наши души и отпустит нас, то мы уйдем туда, где нас ждет потерянная нами земля, наш отчий дом, земля обетованная наша. И там мы будем вас ждать.

Глава седьмая

История Адама – первого человека земли

Ночной ветер колыхал тонкие и почти прозрачные шторы, которые защищали Моисея от мошкар. Вокруг его убежища шелестел листьями сад. В воздухе звенели цикады. Со стороны Нила доносилась желанная свежесть, которой так не хватало жарким днем. Ей вторил журчащий среди деревьев фонтан. Внезапно очередной порыв ветра оказался чуть сильнее, штора взметнулась и зацепилась за статуэтку богини Баст, которая стояла на столе. Изваяние покачнулось, упало и с грохотом разбилось. Осколки разлетелись во все стороны. От шума Моисей, прикорнувший над рукописями, и проснулся.

Разбитая статуэтка богини могла бы показаться плохой приметой, но, слава Богу, Моисей в приметы не верил. Он протер глаза и осмотрелся. Вокруг стояла темная ночь, но огромный летний сад, в котором Моисей расположился для чтения, был освещен факелами. Моисей взглянул на клепсидру, в которой плавал маленький кораблик. Судя по уровню жидкости в водяных часах, рассвет приближался. На столе перед Моисеем лежал папирус, в котором было изложено бытие Адама и Евы. Точно за его чтением Моисей и уснул. И ему даже показалось, что чтение не прервалось, а продолжалось во сне. Во всяком случае история жизни Адама оказалась частью сонного забытья. Давно ему не приходилось видеть таких ясных и живых снов.

Моисей придвинул к себе папирус и стал перечитывать последние главы, чтобы сопоставить их с недавним сновидением. Добравшись до нечитанного, он схватился за голову. Этого не могло быть. Строчки, которые он читал впервые, отражали то, что он видел в собственном сне. То есть ему не снилось ранее прочитанное. Нет, именно теперь он читал о том, что ему уже снилось! Снилось то, о чем он еще не успел прочитать!

В полном недоумении Моисей встряхнул головой, поднялся и направился к фонтану. Склонившись над зеркалом воды, он утолил жажду, а потом и окунул голову в прохладные струи. Окончательно проснувшись, Моисей вернулся к столу, на котором лежала еще непрочитанная Книга жизни. Он перевернул лист папируса и сосредоточился на следующей рукописи, которая начиналась так:

– Я Адам, первый человек земли, праотец всех на земле и один из последних атлантов, рожденный на земле обетованной, Атлантиде, которую вы нарекли раем. Я видел первые нерукотворные произведения Божьи, которые являлись частью нашей жизни, поскольку мы были неразделимы с богами, некогда жили с ними бок о бок и сохраняли их наследие. Неспроста они нарекли нас хранителями мира.

Я, Адам, видел жизнь, в которой не было смерти. Мои родители жили тысячи лет, и это была бесконечная череда лет безмятежной жизни в гармонии с духом планеты в вечном сиянии их священного союза. В моих жилах течет голубая кровь, которой нас наделило Древо жизни под сенью великой Души Всего. Эта голубая кровь и дала нам вечную жизнь. Извечный свет, исходящий из Древа жизни, пропитывал нас и был везде, он служил источником всего, и мы оберегали его с помощью четырех великих стражей.

Мы, атланты, были великими кроносами, которые посредством сиятельного Нуса подчиняли себе поток извечного времени и которым помогала в этом сама природа, что являлась частью первозданного океана великой Божественной полноты. Величайшим началом Боже-

ственного, чья плоть и материя разливалась по всему живому в универсуме. И только благодаря этому великому, вездесущему, извечному и первичному элементу было возможно все.

Я подготовил путь для людей добра, для моих детей и их потомков, в чьих жилах течет кровь богов, кровь атлантов. Этот путь – выход из грешного мира. Я создал врата миров, посредством которых боги стали к нам ближе. С помощью этих врат я соединил небесное с земным. Я воздвиг великий трон для общения с этими мирами. И я, кронос Адам, оставляю вам ключи, которые должно вручить хранителям этих врат, дабы открылись вам великие миры земли обетованной. Храните их как зеницу ока и не передавайте тем, у кого нечистая кровь, тем, кто питается от Древа смерти, и тем, в ком есть хоть капля хищного начала извращенной природы.

Шестьсот циклов назад я стал причиной падения нашей великой цивилизации. Такую судьбу уготовило мне Божье провидение, такой оказалась участь земного атланта. То, что я породил в неведении своем, – ужасно, и на мне одном кровь и гибель многих поколений, да простят меня все мои будущие потомки за это. Этот груз давит на мои плечи, это пожизненная ноша, которую моя совесть рано или поздно избудет, чего бы мне это ни стоило. Я пронесу ее через смерть и бездны, так как они мне больше не преграда.

Я предал свой девственно-чистый мир и открыл его Вселенной смерти. Я породил Древо смерти земли. В своем неведении я распахнул врата зла и явил глубины бездны. Я открыл ящик Пандоры, который уже никому не закрыть. Под моими ногами распростерлась бездна, и я был извергнут из жизни, из великого лона природы, как жалкий выкидыш.

Я стоял у истоков раздвоения всего – духа, души, тела, природы, космоса, Вселенной. Своими глазами я видел, как зарождался великий дуализм. Собственным сердцем я прочувствовал мгновение, в котором Вселенная стала двойственной. Я ощущал, как сущность души моей оказалась разделена. Я осознал, как высшая плоть моя была утяжелена собственной противоположностью, отражением духа, зеркальным мертвым подобием живой души, природы. Я слышал, как порождение тьмы, чужое начало протискивается внутрь меня.

Я видел, как зарождалось во мне гнусное отражение лживого духа. Я наблюдал за прорастанием адского семени, я следил за извивами червя зла внутри моей сущности, червя, которого вселил в меня злой Демииург со всеми его архонтами Геймармене. Я видел подобные семена во всех живых душах. Я свидетельствовал, как это отвратительное эго искало себе пропитания, пыталось выжить любой ценой, как оно калечило и иссушало живое и чистое. Я видел, как оно брало верх над людьми и как пропитывало смертельным ядом души, в которых изначально пребывало семя Бога. Как оно превращало кристально чистые источники в зловонные гейзеры, обращая их в черные, извергающие вонь топи и трясины. Я видел, как разум обращался в безумие.

Я прожил очень долгую жизнь. После того как я похоронил свою жену Еву, мы с моими детьми ушли в поисках святой земли в новые края. Путь был долгим, и в нем нам встречалось много красивых мест, пригодных для жизни и даже для благоденствия, но нашей задачей было отыскать Древо жизни. Мы хотели оживить Душу Всего. Мы мечтали повторить в будущем счастье, о котором я помнил, перебирая в памяти прошлое. Мы мечтали о том, чтобы найти место для строительства великого Храма времени. И вот после множества циклов поисков посреди огромного густого леса мы наткнулись на то, чего мои глаза не видели половины вечности. Это было именно оно – молодое Древо жизни. Неведомо, как оно смогло выжить и сохраниться, но оно стояло перед нами. Оно не было слишком большим или слишком маленьким. Прекрасное дерево, росток которого прижился в дальней стороне неведомым образом, укоренилось прямо в струях маленькой речушки, что протекала в той местности. Его длинные ветви ложились на воду, наполняли ее сиянием и окрашивали оттенками голубого и изумрудного цвета. Счастью нашему не было предела. Мы нашли священное место, хотя и не слишком рассчитывали на его обретение. С этого момента та местность стала нашим новым домом. И

это место действительно оказалось дивным и необычным, непохожим на все, что нам приходилось видеть прежде. Достаточно сказать, что вся растительность вокруг чудесного дерева поражала обилием и размерами, а земля плодоносила с таким усердием, что добывание хлеба насущного превратилось в удовольствие и волшебство. Это была особая земля и особое место для счастливой жизни.

Конечно, это крохотное Древо жизни не обладало той колоссальной жизненной силой, которая переполняла его предтечу в благословенной Атлантиде, но это было неважно. Свершился самый важный момент нашей жизни. Сбылась наша самая сокровенная мечта. Перед нами явилась во плоти наша возрожденная надежда. Мы наконец-то обрели свою новую землю. По сути, мы обрели смысл нашей жизни.

Решение было очевидным. Мы со всеми моими детьми остались там и стали оберегать это место. Я сожалел, что Ева не успела его увидеть, не дожила до этого дня, но я был рад, что мои дети нашли приют под сенью этого священного древа. Вскоре мы обжили это место, и мне пришла пора расстаться с ним. Нужно было продолжать поиски места для строительства храма Времени, но перед уходом я должен был совершить обряд единения. В тот год молодое Древо жизни породило ровно столько плодов на своих ветвях, сколько было нас – живых душ, моих сыновей и дочерей. Это был знак, пришло время особого обряда, обряда единения с природой. Именно этот обряд мы и совершили вместе с моими детьми. Каждый из нас сорвал с ветвей Древа жизни предназначенный ему плод. Ошибиться было невозможно. Каждый плод был уготован для кого-то конкретного, и каждый ощущал это предназначение всем своим существом. Наше единение с Древом жизни уже тогда было очень сильным. Наша кровь атлантов еще помнила его, жизненные силы Древа жизни еще не иссякли в наших жилах, и наше единство оказалось естественным. Во время обряда мы посадили обретенные нами плоды в землю нашего семейного сада и увлажнили посадки священной водой. Это был особый день, день жаркого солнцестояния. Когда обряд уже приближался к концу, я обратился к своим детям со следующими словами:

– Когда эти плоды проклюнутся, прорастут и их ростки поднимутся над землей и станут большими деревьями, возможно, нас уже не будет. Нашу плоть предадут земле, но ветви этих наших деревьев будут тянуться к солнцу, касаясь друг друга. Они будут сплетаться, как сплетаются наши руки, когда мы приветствуем друг друга. Они соединят нас, поскольку наши души будут в них, и мы все вместе посредством этих деревьев будем живы и счастливы. Мы не будем скучать друг по другу, здесь наши сердца будут соединены вечно. Передайте своим детям и их детям, что это земля их предков, тут обитают их души. В этом месте вновь возродится Душа Всего, и мы будем пребывать в лоне ее. Мы будем созревать, как ее дети, до времени в ее живительном чреве, до установленного нам срока. До дня воскрешения души мира мы будем находиться в центре ее сердца в великом ядре нашей планеты. Передайте нашим детям и их детям, и детям их детей, что мы стали частью живой природы, что наша кровь струится в жилах земли, и вскоре Душа Всего даст о себе знать, взойдут ее первые семена.

И семена через некоторое время взошли. И ростки, которым они дали жизнь, были очень схожи с Древом жизни, но и отличались от него. Мы всем им дали имена, а свой, который проклюнулся первым, я назвал Саликсом. Вскоре в нашем саду уже шевелила под ветром ветвями молодая роща священных деревьев. И теперь через них у нас была прямая связь с душой Древа жизни. Мои дети общались со своими саженцами, как с живыми людьми, и так оно и было. И эту тонкую связь, что утвердилась между нами и Древом жизни, с каждым прожитым днем мы ощущали все сильнее и сильнее...

Моисей оторвался от чтения, прислушался к шелесту ночного сада и задумался... То дерево, под которым он предавался чтению, называлось именно Саликсом. Выходит, что неслучайно Моисей чувствовал некую неопишемую связь с этим растением? Не зря тянулся к нему? Он поднялся, подошел к стволу дерева и положил ладони на его кору. Закрыв глаза, Моисей

попытался почувствовать это дерево изнутри и даже попробовал разговаривать с ним. Он был поражен самой мыслью о том, что дерево, о котором писал Адам, оказалось в этом саду. Он стал вспоминать, откуда происходит его привязанность к этому дереву, где он еще натыкался на него, и внезапно прозрел. Саликс всегда сопровождал его! Эти деревья не оставляли его всю жизнь! Они росли именно там, где он ходил, где он путешествовал, где он жил. Они давали ему тень, они подставляли свои ветви для его мальчишеских забав, они позволяли опереться на них в минуту усталости или полуденного изнеможения. Их было множество, этих деревьев, но все они были связаны именно с ним – с Моисеем! Похоже, что это был некий знак, в котором следовало разобраться, это явно было неспроста. На протяжении всей жизни Моисея его сопровождало одно дерево, пусть даже он натыкался на него в разных местах. Саликс... Почему раньше он не обращал на это внимания? Как это произошло? Вопросы роились в голове Моисея и не обещали ему покоя. Ответа у него пока не было. Он вернулся к столу и продолжил чтение рукописи...

– Пришло время прощаться. В обретенном нами священном месте я оставил треть своих детей, а с остальными мы продолжили путь. Теперь нам предстояло найти священное место, где мы смогли бы построить храм Времени и извять хранителя его – извечного стража Сфинкса. Работы было еще очень много, но времени, как всегда, не хватало. Будучи кроносом, я чувствовал время по-другому. В Атлантиде время пребывало в нашей власти, мы о нем практически не думали. Мы им управляли по собственному желанию, то замедляя его, то придавая ему нужную скорость и наделяя особым импульсом. Сила сердца, из которого исходило время, была безграничной. Боги же чувствовали время совершенно иначе. То внутреннее время, в котором они пребывали, тот безграничный поток времени был настолько быстрым, что мы даже и не мечтали за ним успеть. То, что привычно богам, недоступно смертным. После падения Атлантиды я понял, что временем уже не управляю. Оно стало пролетать мимо меня подобно ветру. Удержать его оказалось невозможно. И так продолжалось до того момента, пока я не разобрался в его потоках и мы не построили храм Времени...

Захваченный историей Адама и его семьи, Моисей воображал себе все описанные в рукописи сцены словно наяву. Он погружался в некую реальность, его воображение было таким сильным, что ему казалось, будто он слышит голос Адама, говорящего именно с ним. Но вот он прочел последние строки, и голос Адама как будто затих.

Закончив чтение этого папируса, Моисей придвинул к себе следующий. Теперь перед ним лежала книга Еноха. Это был трактат о двойственности времени и сущего, повествование о ключах и вратах, основанное на наблюдениях все того же кроноса Адама. Углубиться именно в эту работу Моисей жаждал больше всего. О сущности времени мало кто знал, даже умудренные жрецы не обладали достаточными знаниями о его природе, чтобы рассуждать на эту тему. Правда, существовали особые оракулы, что ведали о законах хода времени и обладали представлениями о законах мироустройства, которые пребывали в потоках времени, но Моисей не был причастен к этой мудрости. Поэтому он сосредоточился и принялся за чтение...

Глава восьмая

Первая книга Еноха. Двуликое время

Человек – это центр четырех сторон света, точка середины всего как во внешнем, так и во внутреннем, центр престола сил души. Святая середина, вокруг которой сосредоточены четыре начала, олицетворенные четырьмя животными, и откуда зарождается личностное, сугубо индивидуальное время Нус, что протекает изнутри и изливается наружу. Это время зарождается в сердце и в концентрированном состоянии выходит из солнечного сплетения во внешний мир. Боги не просто пребывали во времени, они зарождали время в себе и преобразовывали его по своим нуждам собственным Божественным Нусом. Преображенным временем можно было творить миры и создавать зоны. Личностное время Бога, великого Логоса, создало первое Кольцо великого свечения, тем самым придав времени структуру и цикличность, создав форму, пространство и бытие, священный, вечный и неделимый первичный эон. В этом времени расположилось все и вся, все живое в универсуме подчинилось этому Кольцу великого свечения, и так оно и было, пока силы Пандоры не разорвали его и не появилось двуликое время Колеса жизни, в котором все мы сейчас обитаем. Но о нем я расскажу позже. А начну я с того, что расскажу вам о самом значимом органе универсума, субстанции жизни – Божественной полноте.

Вселенная – это живое и пульсирующее сердце Божественной полноты, бесконечно живого организма Нун, животворящего самого себя из себя самого. Именно Божественная полнота извечно являлась чревом всего, матерью-прародительницей. Это то первичное животворящее начало, которое и называют Древом жизни. Она пребывала еще до рождения первого времени и какого-либо зона и была намного старше Вселенной. И все это часть, вытяжка, экстракт первозданного океана, он везде, он и есть первичный, или пятый, элемент мироздания.

У великого первозданного океана никогда не было начала, он существовал до начала каких-либо времен. Он – это сплошная и многообразная материя, в которой Логос разума обрел своего первичного внутреннего кроноса.

Все с этого началось. Когда Бог задумал время, он смешал энергию и материю Нуса и придал им импульс движения. Направляя его по незримым идеальным спиральям, он тем самым запустил бесконечный и точнейший механизм живого времени, которое упорядочивает весь универсум – от самой малой его части до самой великой. Первый кронос Логос контролирует каждую деталь этого сложного механизма, вселенские часы Кольца великого свечения подчиняются только самому создателю и его архонтам власти.

По преданиям, времени не существует только в Божественной полноте и в хаосе. В Божественной полноте – потому что ее еще не познали даже сами боги, поскольку суть Божественной полноты – это извечная тайна, о которой они узнают, когда уходят на вечный покой и погружаются в блаженную вечность. В хаосе же нет времени потому, что оно в нем не имеет смысла, как не имеет смысла ничто. В хаосе время заканчивает свой ход, будучи лишенным источника, питающего его, – движения жизни, исходящего от Древа жизни. Значит ли это, что Божественная полнота сродни хаосу? Или в великом первозданном океане Божественной полноты хаоса нет и не может быть? Об этом можно рассуждать, но нельзя судить, поскольку этого не знает никто...

Моисей схватился за голову. Он не мог поверить, что ему было суждено прикоснуться к запретному знанию. То, о чем он читал прямо сейчас, находилось под строжайшим запретом. О времени и вселенских часах знали только посвященные, даже не все жрецы были допущены к этим тайным знаниям. И вот он, не будучи даже жрецом, внимает священным строкам. Моисей глубоко вдохнул и вновь погрузился в чтение, не замечая ничего, что происходит вокруг...

– Время зарождается в центре человеческого сердца, и оно преобразует материю и энергию во внутреннее ядро, создавая огненный шар Нус. Внутреннее ядро всегда сильнее внешнего, внутренний кронос – это первичная модель Бога, которому подвластно все. Конечно, только в том случае, если кронос знает тайные ключи и печати природы. Внешнее время подчинено законам данной зоны, в то время как внутреннее время души и духа не подчиняется этим законам. Оно вне данной зоны, за пределами его и подчиняется только духу души. Внешние часы давят на наше внешнее тело и управляют только внешним, в то время как внутреннее время свободно и безгранично. Пребывая в исполнении законов Божьих, оно становится их проводником, и ему подчиняются все законы природы.

К сожалению, природа создала нас таким образом, что мы почти не чувствуем разницы между нашим внутренним и внешним временем. Мы их не различаем. Для нас они слиты воедино и протекают единым потоком, не оставляя обычной душе надежды разобраться в них и различить их оттенки. В этом основная проблема. Но я умудрился их разделить, мое двуликое время теперь под моим контролем. То время, которое исходит из моего сердца, которое зарождается в этом великом органе и является частью великого потока, теперь в моей власти. Я смешиваю, как глину, материю Божественной полноты с силой собственного внутреннего света и перемещаю итог смешения из внутренних сфер во внешние в виде огненного шара Нуса, тем самым соединяясь с Колесом жизни. Так мне открываются триста шестьдесят дверей двуликого времени дня и ночи. Так я перемещаюсь по внутреннему космосу, так наш кронос перемещается по виткам внутреннего пространства, имеющего тысячи дверей, потусторонних врат, в которых можно заблудиться, если не знаешь, куда идешь. Все мы часы со своим собственным ходом. Внешнее время иллюзорно и нереально, оно только видимая оболочка, мираж, морок, который для нас создал Демиург, дабы насыщать возвращенное им Древо смерти. Именно он стер наше природное время, чтобы ввести нас в беспросветную иллюзию, оторвав от истинных циклов природы.

Мы заблуждаемся, если считаем, что разум управляет временем. Нет, это иллюзия. Другой орган ответственен за истечение времени. Только глубинный разум сердца Нус способен на это, но он спрятан глубоко в душе, и на нем стоит печать чаши забвения, которая не дает нам проникнуть в святая святых духа и выпить из чаши трезвости, для того чтобы освободить свой разум и вернуть себе силу богов и всю память души. Но, стряхнув с себя лживый дух, наша душа способна обрести утерянную силу, и плоть, и тайну, и все ключи жизни. Я вновь пью из чаши трезвости, и мой разум ясен. Я плету время из сердца богов. Теперь я имею власть притягивать звезды, двигать горы, вершить то, на что не способны сотни людей. Силой сердечной мысли и воли мне подвластно многое. Теперь великая Божественная полнота опять со мной, я ее чувствую и управляю ей, мы с ней одно целое...

Моисей по несколько раз перечитывал написанное и в непонятных ему местах обращался к словарю сложных понятий, выражений и редко употребляемых слов, составленному жрецами, который всегда лежал у него на столе. Но вот чтение очередного труда завершилось, и перед ним появился новый папирус. Долго не раздумывая, Моисей приступил к чтению.

Глава девятая

Вторая книга Еноха. Небесные светила

Я Адам, последний кронос Атлантиды. Мне исполнилось пятьсот девяносто два цикла по земному времени, и я, несомненно, не только пребываю на склоне своих лет, но и нахожусь в глубокой старости. Мое тело едва подчиняется мне, конец моего пути близок. Сегодня я завершаю свой календарь земного истинного природного времени. Все на земле движется и протекает только по его законам, и эти законы отличаются от законов времени, в котором мы пребывали в Атлантиде.

Пока мы жили в благословенной Атлантиде, мы оставались под небосводом, на котором нельзя было различить ни звезд, ни небесных светил. Белый свет великой Божественной полноты покрывал всю нашу землю, одевал ее защитным куполом, и его силой проистекало и сплеталось время нашей жизни. Это время шло по совершенно иным спиралям, чем то, что сопровождает нас в нынешней земной жизни. Каждый атлант владел собственным временем, которое было также соединено с единым временем планеты, со всеобщим потоком времени жизни. После того как Атлантида погрузилась под воду, вместе с нею исчез и белый купол ее небосвода. Вместе с нею закончилось и ее время. Только тогда на небе появились два огромных светила и множество звезд, которые я принялся изучать. Во мне все еще текла кровь кроноса, что позволило за пятьсот циклов изучить весь этот сложный механизм мироустройства и разобраться в нем. И вот прошло время, я стал стар, но теперь отчетливо понимаю, что есть еще время построить на земле должный храм Времени и поставить у его подножия стража, охраняющего это время. И, слава Богу, у нас все готово для строительства, и завтра мы принимаемся за работу.

Два больших светила, которые над нами повесил Демиург, разделяя с их помощью наше время на день и ночь, ныне определяют нашу жизнь. Их суть – контроль над всем живым в этом мире. Это две совершенно независимые системы, воздействием которых пропитано все на земле и которые управляют всем происходящим. Это два огромных портала со своими особыми жизненными потоками и собственным точным временем. Наблюдая за этими светилами, я определил два основных календаря сущего на земле.

Их сочетание и взаимодействие как раз и вращает великое Колесо жизни. Оно управляет всем живым и мертвым. Мы рождены рабами этих систем, так как они перекрывают своим влиянием силу нашего духа. По сути, их сочетание – это огромная чаша забвения, которая вскармливает нас против нашей воли и делает нас слепыми с открытыми глазами, делает нас мертвыми с живыми душами, делает нас бессердечными и бесчувственными даже с Божественным сердечным ядром, что исподволь остается внутри нас. На нас наложили оковы Демиурга, нас заточили в пожизненную темницу духа, откуда выхода нет. От нас спрятали чашу трезвости, но я пил из нее и знаю вкус ее содержимого, я вижу все. Я вижу то, как оно было раньше, и как должно быть, и как есть теперь. Этого у меня не отняли и не могли отнять, зрение света скрыто в моей крови.

А теперь, друг мой, я расскажу тебе о Колесе жизни, о двуликом времени, в котором мы все обитаем, а точнее, о первом небесном светиле Солнце, которое определяет наш день.

Структура дневных часов такова. Колесо жизни Солнца состоит из двенадцати эонов. Шесть эонов принадлежат к дневному времени света и шесть – к ночному времени зла. В двенадцати зонах триста шестьдесят дверей. Сто восемьдесят дверей в ночных часах и днях и сто восемьдесят в дневных. В один эон входит тридцать дверей, они же небеса и тверди, а точнее, природы иных эонов. Основных, всеобщих и главенствующих же природ, эонов – только семь. Семь великих природ, вокруг которых и крутится сфера Колеса жизни. В них мы и погружаемся по ходу движения и вращения Колеса жизни. Вращение по кругу проходит по двенадцати зонам, которые соответствуют определенным звездам на небе. Этот календарь разделен на четыре сезона: два сезона принадлежат силам тьмы и два – силам света. Тьма и свет делят этот календарь на две части. В нем существуют два времени, две противоположности, две полусферы – ночное и дневное время, которые сливаются в единую сферу Колеса жизни нашего раздвоенного пространства. Когда-то это была священная пирамида, теперь же это ромб. К священной пирамиде прилепилось ее отражение, ее полная противоположность. Демиург создал свой противоречивый мир по образу и подобию своему, по отражению и законам противоположности жизни...

Чтение шло нелегко. Моисей пытался разобраться во всем написанном, он делал зарисовки того, что понимал, отмечал то, что вызывало у него вопросы, и хотел свести изложенное в одну картину так, чтобы все встало на свои места. Он понимал, что ему предстоит огромная работа, но ее нужно было сделать, нужно было понять все правильно и нигде не ошибиться. С этими мыслями Моисей продолжал чтение...

– Дневная полусфера начинается с момента восхода солнца на востоке и заканчивается в момент, когда солнце садится на западе за горизонт – это малый светлый цикл сил жизни. Все остальное время подчиняется и принадлежит второй полусфере тьмы Демиурга. Две эти сферы подобны зеркальным отражениям друг друга, каждая представляет собой полную противоположность другой: в одной правит жизнь, в другой – смерть, в одной – порядок и закон, в другой – хаос и беззаконие, одна сторона движима любовью, другая – ненавистью, и так до бесконечности. Светлые полусутки находятся под влиянием светлых архонтов света и богини Маат и принадлежат соответствующим звездам на небесном небосклоне, они находятся под Божьим влиянием.

В центре этого Колеса жизни находится великий престол Кроноса, войдя в который можно управлять всем временем. Вокруг этого престола расположены четыре главные стихии, смотрящие по четырем сторонам света, – стихии ветра, огня, земли и воды. Эти четыре стихии отождествляются с мистическими животными, напоминающими сокола, человека, льва и быка. Их крестообразное расположение соответствует расположению звезд на небе. Они взаимосвязаны таким же образом, как и двенадцать эонов. Посредством этих четырех стихий нам и открываются двери эонов.

Запомни, в полном цикле Колеса жизни существует четыре особых, самых сильных времени, в которых боги и все их силы к нам ближе всего. Эти дни наиболее благоприятны для любых начинаний и исполнения любых добрых замыслов.

Среди этих сильных времен выделяются два дня, в которые природа замирает, балансируя между тьмой и светом. Это особое, переломное время, когда день и ночь становятся в одну нишу и равны друг другу. Это момент соединения двух сфер Колеса жизни от темного к светлому или, в другом случае, от светлого к темному, когда заканчивается зима и начинается весна и когда заканчивается лето и начинается осень. Это граница, делящая пополам восток и запад, тьму и свет, порядок и хаос, жизнь и смерть. Это моменты обновления всего живого и мертвого, начало очередного природного цикла рождения, с одной стороны, и старения – с другой. Эта линия разделяет все, это предел двух миров, двух противоположностей.

Есть еще два особых времени. Это дни пика, две высшие точки, когда день самый долгий и когда ночь оказывается длиннее всего. В один из этих дней природа особенно активна, ворота

Колеса жизни открыты настежь, боги нас лучше слышат и щедро одаривают своей колоссальной силой, исходящей от Древа жизни. Солнце оказывает на нас умиротворяющее воздействие – наделяет особой душевной благодатью, посредством которой мы становимся наиболее восприимчивы к прекрасному, исходящему от природы духу. Наполняясь светлой жизненной силой, мы преобразуемся и сами становимся подобны солнцу. В другой день происходит пик противоположности. Он исходит от Древа смерти и заполнен силой тьмы. В этот момент из врат Колеса жизни выдвигаются исчадия Демиурга и до ада можно дотянуться рукой.

У Колеса жизни триста шестьдесят дверей, на каждый декан времени – по одной двери. По ходу вращения сферы открывается то одна дверь, то другая в зависимости от расположения звезд, что в данный момент отражаются внутри Колеса жизни или сферы времени.

Через эти двери к нам в душу заходят духи семи природ и на время овладевают ею, пока Колесо жизни не сместится и следующий декан времени не распахнет очередные двери и не войдет в оболочку духа для своего слияния и соития с душой силой, данной ей архонтами Литургии, Саваофа, архонтами света и Иалдабаофа, архонтами тьмы.

Если дух человека пал и низок в помыслах, то в двери его души входят не просто бесы и демоны тьмы, в его распахнутые врата врываются великие архонты зла, имеющие власть завладеть душой и телом человека. И если духи зла обладают достаточной силой, то человек теряет собственную личность и волю и становится одержимым, безжалостно закованным во власти архонтов тьмы. Но человек этого не видит и не чувствует, так как им неприметно для него самого со всем умением и мастерством хитро управляют архонты Геймармене, главного Демиурга тьмы, который вошел в наш мир после того, как открылся ящик Пандоры, и который создал и устроил все по своему собственному усмотрению...

– Ящик Пандоры, – повторил прочитанное Моисей и подумал о том, что если была возможность открыть этот ящик, то должна существовать и возможность закрыть его. Если она есть, то это верный способ вышвырнуть демона зла из мира сего, избавиться от всей нечисти сущего и вернуть утраченную гармонию в мир. Не это ли возможность управлять дверями, через которые в душу проскальзывают демоны архонтов зла? Не это ли возможность запечатать их навсегда для всех будущих поколений? От этих мыслей у Моисея закружилась голова и пересохло горло. Он выпил чашу воды и продолжил чтение.

Душа – это живой портал с тремястами шестьюдесятью дверями или вратами. Человек черпает свои силы именно оттуда, из собственной души. Как черпает, так и отдает. Находясь под влиянием ложного духа, он, сам того не замечая, жертвует свою жизненную силу Древу смерти. Его душа поддается на дрожь распахнутых врат, полагая, что исходящее из них подобно манне небесной, и не ведая, что если что-то способно одаривать, так еще в большей степени оно способно лишать и изымать. Колесо жизни вращается вокруг семи природ, пронзая их, и по ходу вращения открывает для каждой души поочередно семь эонов тьмы и света. У каждых врат имеется свой страж. Если душа подбирает правильный ключ, то страж открывает дверь и впускает душу в дом того духа, что обитает в соответствующей зоне. Каждый дом наделен собственной природой и духом по качеству ее. Таких основных природ в универсуме семь – от самой высокой до самой низкой, и это семь твердей, на которых основывается и среди которых возвышается наш мир. От того, как подрагивает душа человека, с какой частотой ее охватывают вибрации, ей открываются то одни двери, то другие, но только Сфинкс вручает страждущей душе ключи от тех или иных дверей. Сфинкс видит душу на просвет, от него ничего не утаить, не спрятать. Сфинкс лежит в основе четырех стихий, мы все с ним соприкасаемся, он в каждом из нас. Он находится близ престола Кроноса и является колесницей души. Престол Кроноса – это средоточие сердца души, сердца разума и сердца воли. В совокупности – это то огненное ядро, что олицетворяет всю нашу внутреннюю силу, это в чистом виде двигатель Божественного в нас, Божественная монада, наделенная неимоверной силой и обладающая бесконечными возможностями. В ее чистом свете есть все, только нужно уметь извлекать

то, что нам нужно. Перед этим светом ничтожны все силы природы, я управляю им и всеми возможными его скоростями. Этим светом я построил пирамиды и великого стража времени. И этот свет жизненной субстанции везде. Пройдя через мое сердце, он преобразуется в нечто особенное, в невероятную субстанцию Божественной силы. Только звук, звучание, мелодия сердца управляют этим светом...

Моисей на мгновение оторвался от рукописи и задумался. Он уже понимал, где находится центр престола Кроноса, понимал, что это особая колесница духа, о котором рассказывали Енох и Адам. Он также был знаком со стихиями и четырьмя животными, отождествляемыми с ними, но пока не понимал, как стихии управляли временем. Но в размышлениях можно было находиться бесконечно, а рукопись продолжала притягивать к себе, и Моисей продолжил чтение...

– Теперь пришло время рассказать о втором небесном светиле – о Луне, черной планете снов Демиурга. Он ее подвесил над нашим миром для того, чтобы управлять нашими снами и душами. Как я уже упоминал, в Атлантиде не было этих двух светил, они появились сразу же после ее крушения. Я воочию наблюдал за тем, как на небе возникли эти два источника света.

У черной планеты снов Демиурга тоже есть свой календарь, своя строгая цикличность. Я насчитал у нее двадцать восемь небесных врат, и расстояние между этими вратами составляет ровно тринадцать градусов – тринадцать месяцев. Эти небесные врата – суть, порталы, по которым проходит душа, останавливаясь в каждом и попадая под их влияние, мы это чувствуем только в наших снах. В полный цикл Луны входит проход ее по четырем сторонам Земли, каждая из которых состоит из семи дней. Среди них имеются особые дни влияния, которые внушают нам все сновидческие переживания. Все наши сновидения пропитаны сказками Демиурга, это то, от чего люди незаметно сходят с ума. Все они – это живая иллюзия, внедряемая нам в голову архонтами злого Демиурга. Черная планета снов Демиурга – это страна забвения, в которой мы все потерялись и в которой мы бесконечно блуждаем. Это наш прижизненный лабиринт ума, ловушка, чистая чаша забвения. Мы являемся теми, кого из нас сделал, слепил, изваял злой Демиург в наших снах. О! Если бы мы знали, что он в них скрывает от нас, если бы узрели, во что погружает наши души, мы бы ужаснулись. Его чаша забвения не дает нам это увидеть, и от нее мы будем освобождаться.

Третий же календарь – это календарь слияния, взаимосвязи двух небесных светил – Солнца и Луны. словно две шестеренки они взаимодействуют между собой. В точках их соприкосновения происходит соединение их сил и свершаются мгновения открытия дверей сна во внешние зоны иных природ. Так сон обретает свою реальность, так мы обретаем видения. Описываемые мгновения – особое время. Распахнутые двери в точках совпадения двух календарей двух небесных светил сулят бесконечность извлекаемых из них сил. А самое главное в них – это свойства, возникающие при их слиянии, усиливаемые в дни затмения и преломления. В такие дни живой портал миров, через который души путешествуют в открытых им мирах и наполняются там их силой и качеством их жизни, оказывается распахнутым настежь. В такие дни их встречают правители сопредельных земель и все архонты света и тьмы находятся на расстоянии вытянутой руки. В такие дни с ними можно общаться вживую. В такие дни мы пропитываемся их духом и соединяемся с природой, которая дает нам силы. Конечно, и эти силы двойственные по своей природе, но точно так же, к собственному проклятию, двойственен по своей природе и человек.

Человек также разделен на две части. Его разделила наша падшая природа уже самым событием своего падения. Я это почувствовал и увидел собственными глазами в первый день пребывания на падшей земле. Правая сторона человека относится к Богу, к свету, левая же – к силам тьмы. Человек двойственен по своей сути, но он этого не видит. Его правый глаз видит правду, левый же воспринимает как правду иллюзию, так устроен человек. Правая его сторона относится к светлой части трех календарей, а левая находится под влиянием темных

сторон календарей. Все просто, правой стороной управляют порядок и гармония, левой же – хаос, беспорядок и разнообразные душевные расстройства. Все взаимопроникаемо в природе и в нас, мы этого не видим и не чувствуем, но это движет всем, управляет всеми процессами. Я научу, как это контролировать и разделять. Научу, как различать эти две природы в самом себе, чтобы, с одной стороны, избавиться от внутреннего влияния природы тьмы, от голоса лжи, голосов демонов и всех жутких тварей, пытающихся очаровать нас и завладеть нами, и, с другой стороны, я научу, как прислушиваться к своей истинной природе, правой стороне души и сердца, через которую с нами общаются ангелы светлых архонтов. Я также научу, как скинуть с себя свою лживую сущность. Подскажу, что может освободить от чаши забвения. Направлю на те шаги, после свершения которых падут все границы и дух человека обретет свободу, а взор окажется способен видеть мир в его истинном свете. Научу управлять временем и материей, вибрацией, светом и весом всех предметов, с которыми человеку приходится соприкасаться в его жизни и взаимодействовать. И однажды тот, кто прочтет эти строки и не остановится на пути познания самого себя, поймет, как это просто и легко парить в воздухе, не подчиняясь законам сущего, но используя их...

В задумчивости Моисей отложил прочитанную рукопись и с трепетом взялся за следующую. Прочитанное не исчезало бесследно в памяти. С ним что-то происходило. Он начал чувствовать, как в его груди как будто что-то оживало, некий жар словно воспламенялся внутри него. И в следующей рукописи как раз и говорилось о существовании внутреннего огненного шара. О том, как его нужно создавать, как его лепить из материи Божественной полноты и чистого света, преобразовывая во внутреннее солнце, которому могло быть подвластно все. В сущности, Моисей был еще очень молод. На момент чтения этих текстов он оставался всего лишь повзрослевшим подростком, юношей. Моисею было всего пятнадцать лет, но сложные, наполненные умозрительными построениями и выкладками тексты не были для него в новинку. Его отец Эхнатон приносил для своего пасынка из древних библиотек множество книг и рукописей с очень сложным философским смыслом, что Моисея никогда не пугало. Напротив, ему нравились подобные писания. Они всегда служили поводом для глубоких размышлений, а некоторые из них еще и раздвигали горизонт его восприятия. Поэтому рукописи Адама не стали для Моисея камнем преткновения. Моисей всего лишь отнесся к ним со всей серьезностью и жаром жаждущего знаний и понимания мира юнца, сделал несколько заметок, перевернул лист папируса и продолжил чтение.

Взаимосвязь с субстанцией жизни – вот что было самым главным на тех страницах, которые продолжал разбирать Моисей. Со всем тщанием Моисей внимал каждому штриху древнего труда. Ни одна точка, ни одна буква не оставались без его внимания. Закончив очередную страницу рукописи, он вдруг поймал себя на ощущении, что знает все. Нет, не все он до конца понимал, но ощущение, что знание уже в нем, поразило его. Он понял, что уже выпил из чаши трезвости. С ним происходило что-то необъяснимое, что можно было бы сравнить с перерождением. Движения его души в ответ на прочитанное, казалось, создавали огромный жар в его груди. Этот жар словно выворачивал его душу наизнанку. С Моисеем явно что-то происходило, чему он не мог подобрать определения. Он понимал, что этот жар создает он сам, но даже не пытался успокоиться. Он как будто обрел способность смотреть на все совершенно другими глазами, как будто что-то сорвало пелену с его глаз, с его души и духа и он почувствовал жизнь во всей ее сложности и во всем ее объеме. Такого чувства Моисей еще не испытывал никогда прежде, и оно было пронзительней всех чувств, что приходилось переживать ему раньше. В какое-то мгновение даже показалось, что ему было подвластно все.

Моисей резко поднялся. Жар еще усилился, его лоб пылал, он был весь в поту. Теперь, кажется, он наконец все понимал. Моисей вышел из сада и выбежал на огромную террасу, с которой был виден Сфинкс.

– Теперь я понимаю тебя, – сказал Моисей, глядя на Сфинкса. – Теперь мы с тобой одно целое.

Моисей достал анх, который подарил ему отец, и повесил памятный знак на шею.

Уже было утро, но бессонная ночь не утомила Моисея. Он не хотел спать. Он размышлял, и казалось, что его мысли улетели куда-то далеко за наблюдаемый им горизонт. Моисей смотрел в ту же сторону, в которую смотрел Сфинкс, они оба наблюдали рассвет. Над плато Гизы вставало солнце. Его первые лучи оказались подобны явлению Бога. В них было столько силы, что Моисею почудилось, что и он сам подобен богам. И он вновь подумал, что ему подвластно все. И на самом деле так оно и было.

Восхищаясь красотой сущего, Моисей наблюдал, как первые лучи солнца разделили небо и землю пополам. словно невидимая грань рассекла все перед его взором. Мир распался на части. Одна его часть была заполнена чистым светом, в котором бурлила жизнь. Солнце наполняло ядро Земли своей колоссальной силой. Другая часть была совершенно противоположна и поглощала в себя всю солнечную жизненную силу, которая исходила из первой. Происходящее напоминало некий круговорот жизненной силы, охватывающий всю планету. И Моисей не только наблюдал его, но и понимал, что происходит. Этот круговорот был везде, и Моисей был его частью и его наблюдателем одновременно, и кровообращение внутри его юного тела было и кровообращением сущего в те же самые мгновения.

Это были незабываемые ощущения. Моисей чувствовал, как течет кровь в его жилах, и направление ее движения соответствовало тому, что он видел, и соединялось с тем, что он видел. Это был единый поток, он чувствовал, что правая часть его тела, в том числе рука и нога, принадлежали солнцу и были пропитаны силами чистого света, они относились к жизни и пребывали в единении с богами. Они воплощали в себе чистый свет, в них пульсировала особая кровь, в которую вливалась сила света, исходящая как будто из центра Земли, которая преобразовывала правую часть Моисея в нечто неопишное. В то же самое время левая часть его тела оставалась на темной стороне. Мир был разделен пополам, и Моисей находился в центре этого разлома. И он ясно видел четырех животных, четыре направления стихий, он находился в центре своего внутреннего престола, он восседал на колеснице духа.

Подумать только! Еще вчера Моисей даже представить себе не мог, что мир разделен на две части, теперь он это видел и осязал вживую. Наблюдая за восходом солнца, Моисей вспомнил предание о берегах Нила. По древним писаниям один берег великой реки принадлежал жизни, другой – смерти, а дельта символизировала женский орган рождения... Только рождения чего? Мысли летали в его голове словно молнии в грозовой туче, и им не было ни числа, ни предела. Моисей тут же вспомнил историю о другой дельте, о которой ему рассказывал когда-то еще в детстве отец. Эту историю он запомнил хорошо, так как она передавалась от отца к сыну, и в ней говорилось о следующем. На другой стороне моря имеется устье реки, которое носит название «Дельта богов». Река Эброс, которая создает эту дельту, делит ее на свет и тьму. Левая сторона той дивной дельты принадлежит богам смерти, а ее правая сторона противоположна ей, и ею правят боги жизни. Вода, которая исходит из этой дельты, подобна воде, исторгаемой лоном матери, и обладает огромной силой и рождает детей Божьих. Поэтому там постоянно воюют четыре стихии, ветра жизни и смерти сталкиваются между собой и пронизывают всю дельту, пытаясь уронить первым свое семя в ту природу, из которой исходят великие духи. Воды той священной дельты текут в том же направлении, куда смотрит Сфинкс. Дельта Нила и дельта Эброса связаны между собой невидимой нитью деторождения. Боже мой, еще недавно Моисей не понимал посыла этой древней легенды, о которой ему повествовал отец, но сейчас к нему словно пришло прозрение. В один миг все встало на свои места.

Моисей стал сопоставлять все известные ему противоположности, и в его памяти всплыла одна из рукописей, переданная ему когда-то отцом Эхнатоном в день праздника равноденствия. В ней говорилось, что душа имеет две стороны, половина ее принадлежит добру,

жизни и вмещает все их силы, а другая половина принадлежит силам хаоса и смерти. Правый глаз видит все, взирая на сущее из Божественной природы, а левый глаз погружен в ад и взирает на все через призму бездны. И все демоны день и ночь пытаются выбраться из его зрачка и ворваться в наш мир из самых жутких мест.

Внезапно Моисей почувствовал колебания воздуха, исходящие из земли. Это было новое и ни на что не похожее ощущение. К тому же перед его глазами стали раскрываться дивные картины. С каждым мгновением восхода солнца его лучи освещали близлежащую местность все ярче и ярче. Вот на небосводе появилось множество светящихся дорожек, переливающихся разными цветами. Ничего подобного их прекрасному сиянию Моисею до сих пор видеть не приходилось, и объяснений этому зрелищу он не находил. Эти сияющие дорожки стояли как небесные столпы, спускающиеся с самого неба и уходящие в глубины земли. Они напоминали хрустальные сталактиты или сталагмиты, наполненные Божественным сиянием. Наблюдая за ними, Моисей почувствовал, что кровь, текущая по его венам, соединяется с этим сиянием, он сам словно становился одним из этих светящихся столпов. Прошло еще мгновение, и Моисей почувствовал, что он теряет вес, земля уходит из-под его ног и он становится все легче и легче. Вскоре он уже был легче воздуха, и это ему никак не казалось. Озарение накрыло его – ему подвластны все силы природы, и так оно и было. Он оглянулся и увидел, что все предметы, которые находились на террасе, парили в воздухе, и понял, что это сделал он собственной волей, пусть и не отдавая себе отчета в происходящем. Моисей не знал еще, как контролировать внезапно обретенную силу, но почувствовал непреодолимый соблазн воспользоваться ею и решился испытать ее. Он закрыл глаза и представил, что поднимается в небо. И с этой мыслью он сделал первый шаг. И его желание исполнилось. С изумлением Моисей понял, что поднимается к небу, как бы ступая по невидимым ступеням незримой лестницы. Не было никаких сомнений, он парил в воздухе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.